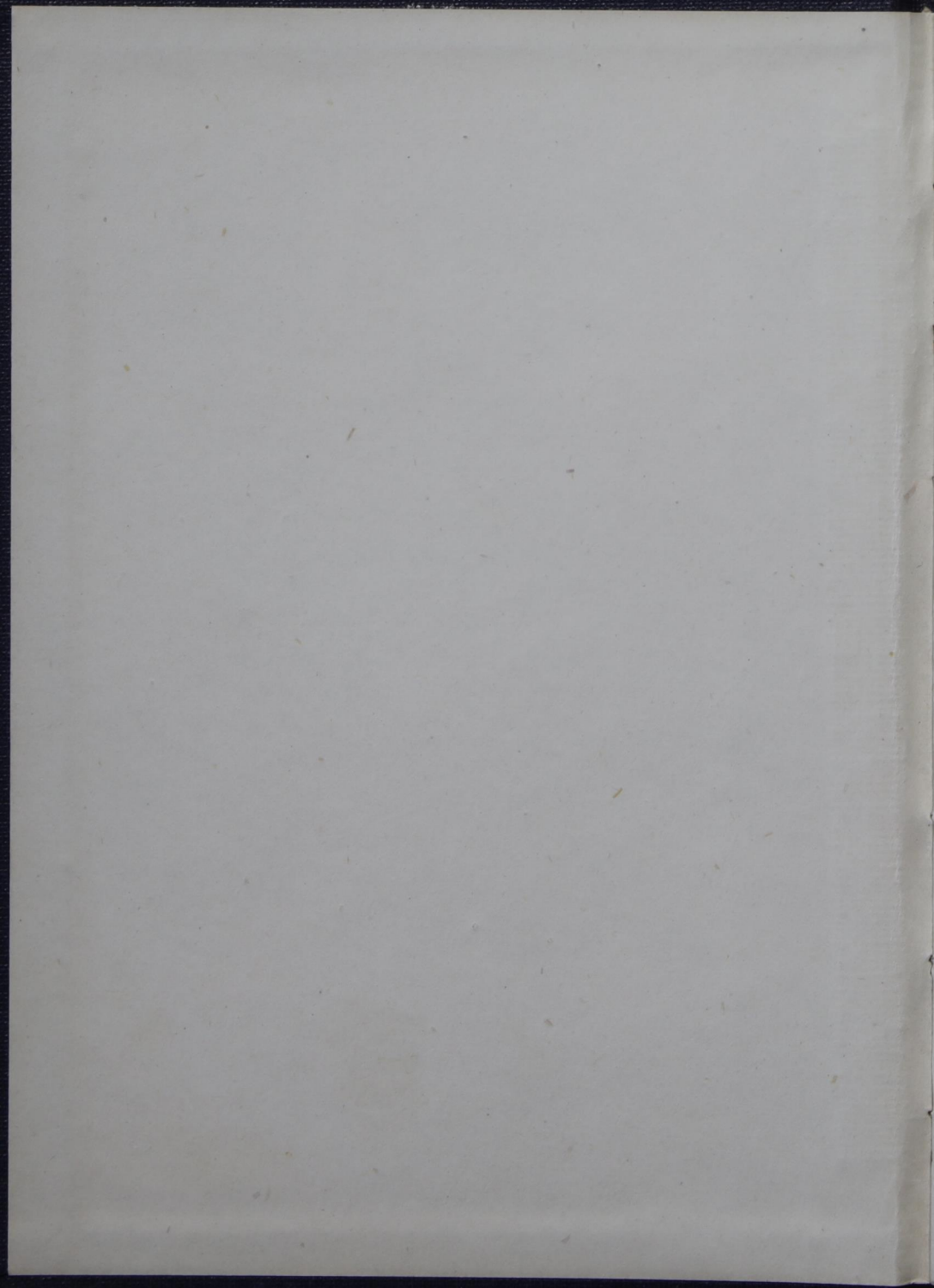
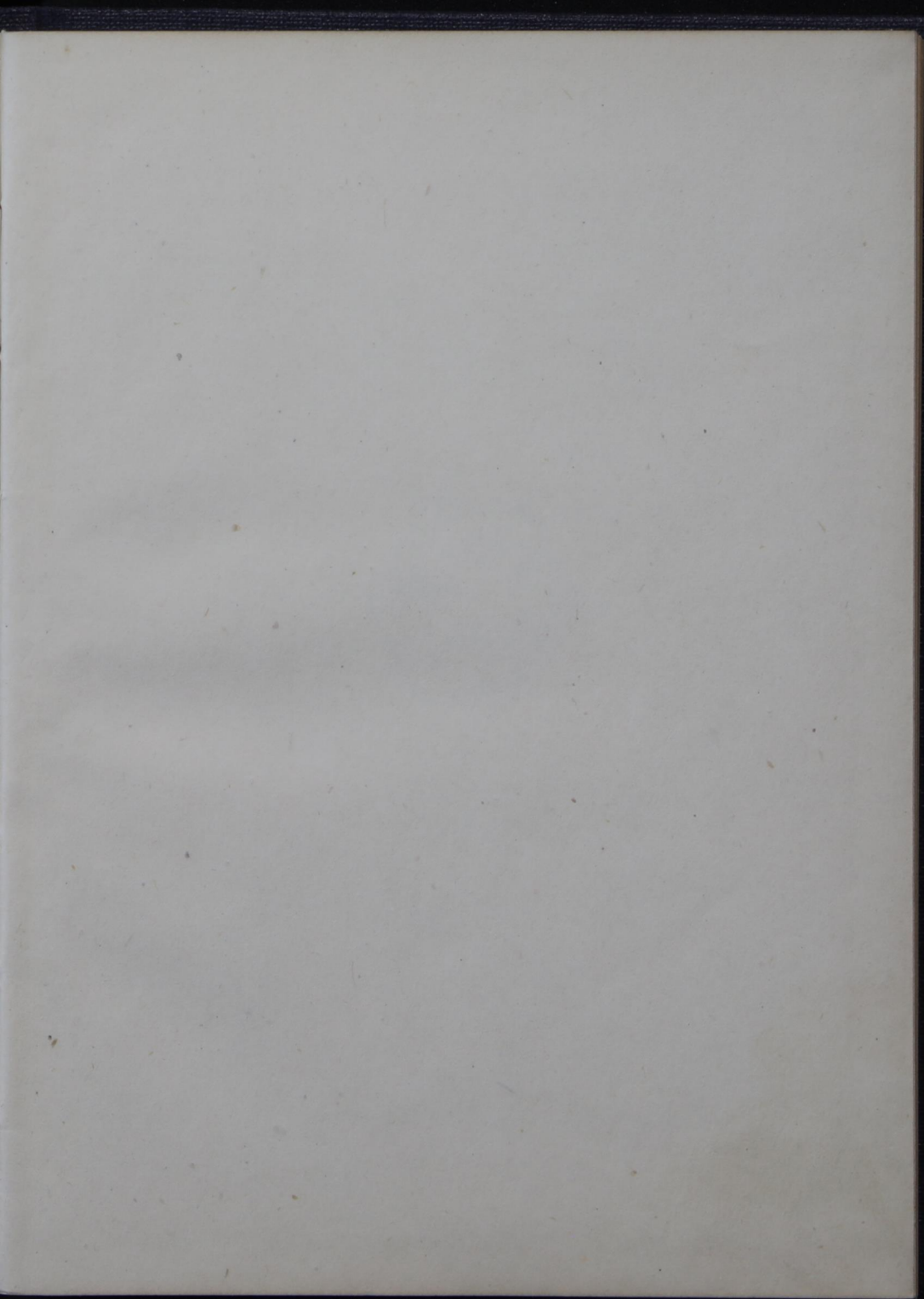
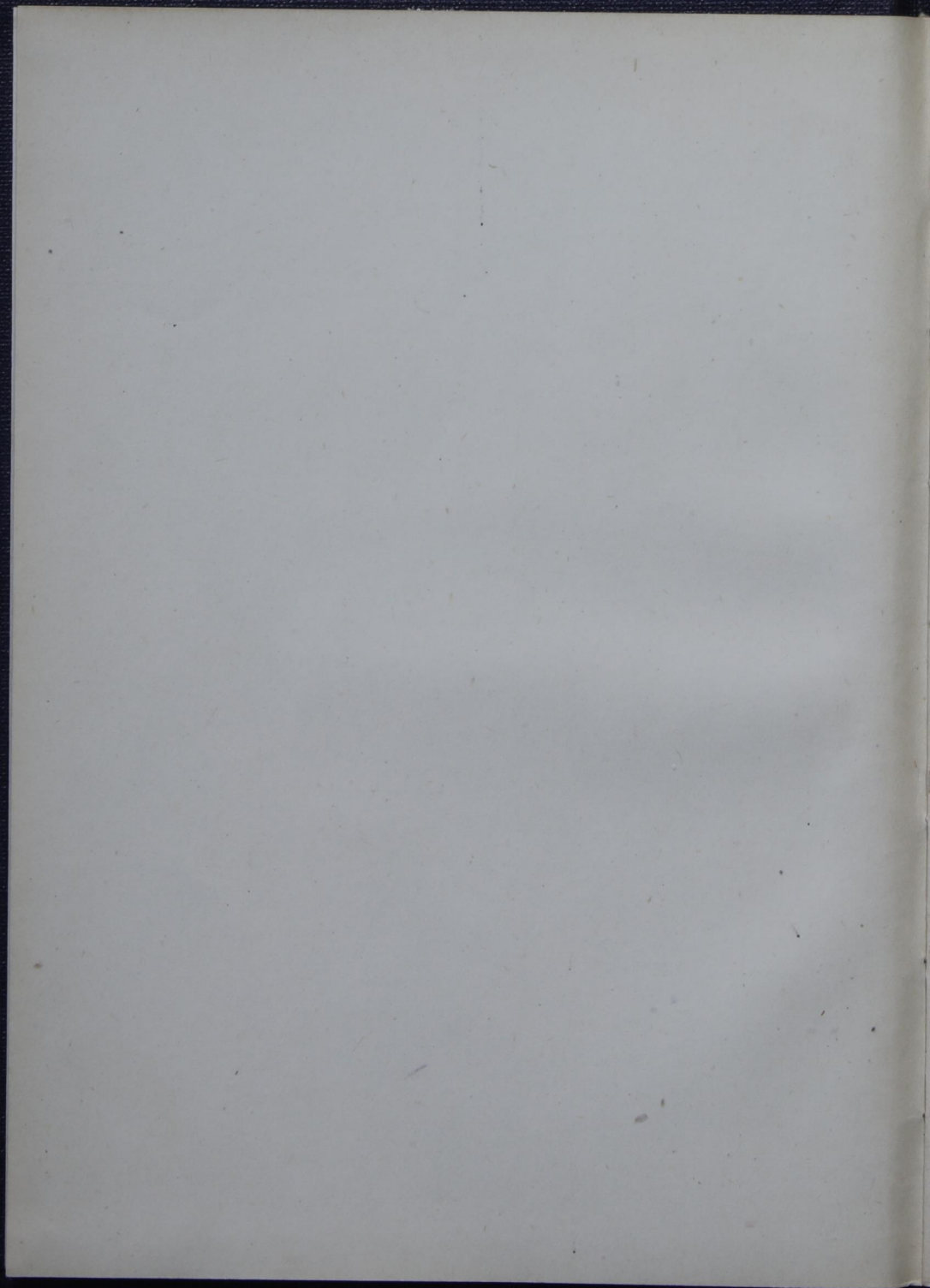
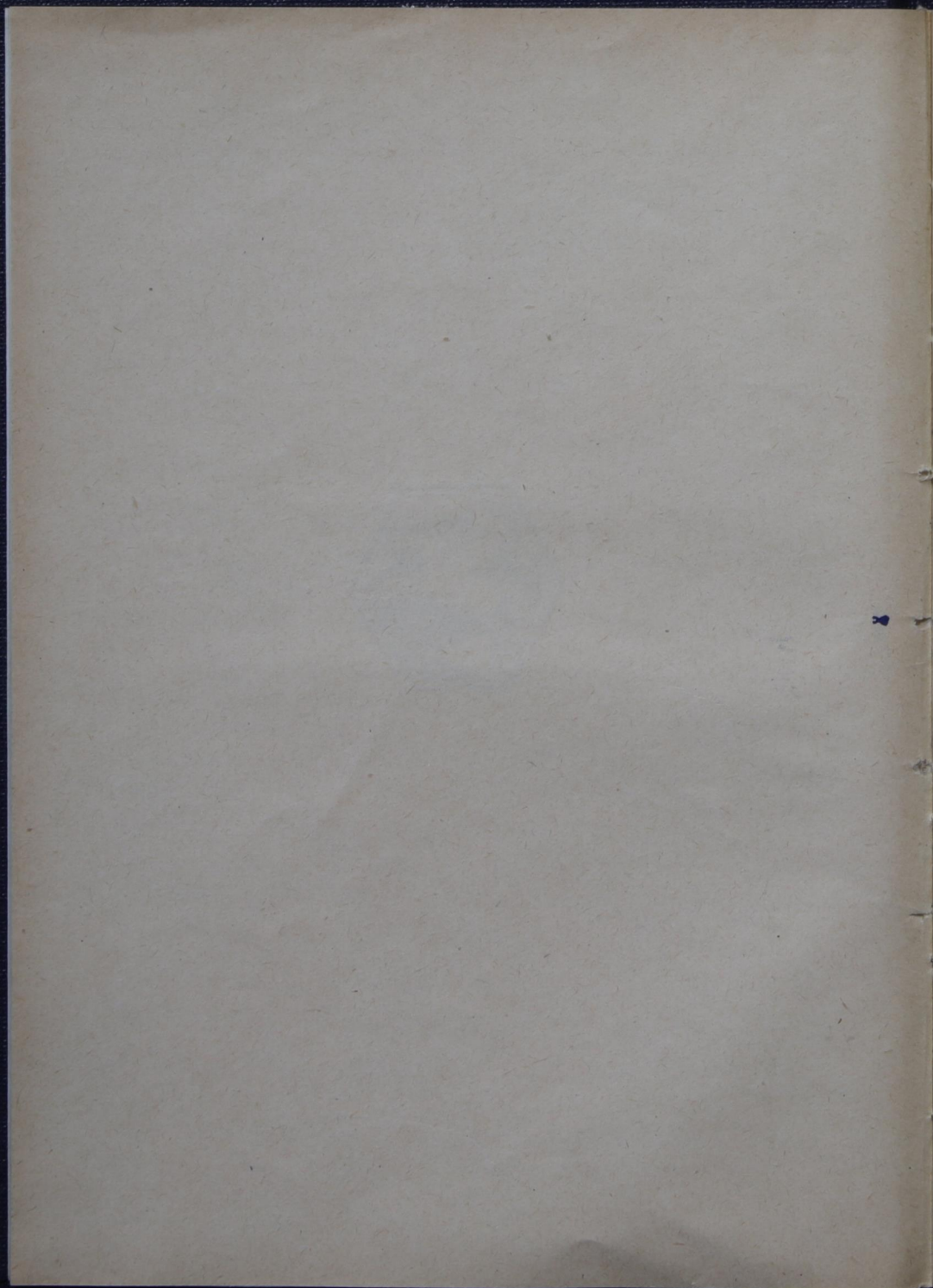

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

МОРИС МАТЕРЛИНК

MAURICE MAETERLINCK

БЕЛАЯ НЕВЕСТА

(ПОМОЛВКА)

ПЕРЕВОД Н. ЭФРОСА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Л. ЛОЗИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ—МСМХХІІІ—МОСКВА

14/1-21

Настоящее издание отпеча-
тано в типографии Первой
Петроград. Трудовой Артели
Печатников (Моховая, 40),
в количестве 10.250 экзempl.
Главлит № 1707. Гиз. № 4114.

Ренате Дюлон-Матерлинк

БЕЛАЯ НЕВЕСТА

(ПОМОЛВКА)

LES FIANÇAILLES

ФЕЕРИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ И ОДИННАДЦАТИ КАРТИНАХ

1918

КАРТИНЫ:

Картина I. Хижина дровосека.

Картина II. Перед дверью.

Картина III. Подвал скупого.

Картина IV. Комната во дворце Феи.

Картина V. Бальный зал во дворце Феи.

Картина VI. Перед занавесом, изображающим высокие
скалы.

Картина VII. Обитель Предков.

Картина VIII. Перед занавесом, изображающим Млеч-
ный Путь.

Картина IX. Обитель детей.

Картина X. Перед занавесом, изображающим лесную
опушку.

Картина XI. Пробуждение.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

(в порядке их выхода на сцену)

Тильтиль.

Фей.

Милетт, дочь дровосека.

Беллина, дочь мясника.

Розелль, дочь трактирщика.

Эметт, дочь мельника.

Жанилль, дочь нищего.

Роза релль, дочь мэра.

Мажуа, девушка в покрывах, или Призрак.

Рок.

Скупой.

Свет.

Несколько будничных мыслей.

Бабушка Тиль.

Дедушка Тиль.

Великий Предок.

Великий Нищий.

Великий Крестьянин

Предок-Богач.

Предок-Больной.

Предок-Пьяница.

Предок-Убийца.

Другие предки.

Несколько «Я» Тильтиля.

Несколько детей из Обитатели детей.

Пять малышей.

Самый маленький.

Мать Тиль.

Митиль.

Отец Тиль.

Соседка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Хижина дровосека.

Дом из «Синей Птицы» — внутренность хижины дровосека; все просто, по деревенски, но совсем не убого. Камин с колпаком; в нем догорают дрова; кухонная посуда, шкаф, квашня, часы с гилями, прялка, ушат и т. п. Спящие собака и кошка. Большая голова сахару, белая с синим. К потолку подвешена круглая клетка с синей птицей. В глубине — два окна с притворенными ставнями. Налево — входная дверь, запираемая на толстую щеколду. Лестница на чердак. Только теперь, вместо двух, лишь одна кровать Тильтия, которому уже шестнадцать лет. Ночь; сцена освещена лишь несколькими лунными лучами, пробивающимися сквозь ставни. Тильтий крепко спит. Стук в дверь.

Тильтий (*внезапно просыпаясь*).

Кто там?... (*Снова стук*). Подождите, дайте надеть штаны. Дверь на задвижке, сейчас отопру...

Фея (*за дверью*).

Не надо... Не надо... Здравствуйте!.. Это опять я!..

Дверь сама отворяется. Входит Фея Бериллюна в виде старухи, как в первой картине «Синей Птицы». И одновременно проникает в комнату странный свет, который не исчезает и после того, как дверь снова затворяется.

ТИЛЬТИЛЬ (*пораженный*).

Кто вы такая?

Фея.

Не узнаешь? А ведь нет еще и семи лет, Тильтиль, как мы расстались...

ТИЛЬТИЛЬ (*ошеломленный, тщетно
силься вспомнить*).

Да, да, я припоминаю, я вижу, что это такое...

Фея.

Да, но только ты не видишь, кто я, и ничего не припоминаешь... А я вот вижу, что ты совсем не переменился... Все такой же забывчивый, неблагодарный и рассеянный мальчишка... Но как же ты вырос и возмужал, милый мой, и какой стал ты красивый!... Не будь я феей, я бы не узнала тебя! Господи, какой ты красивый!.. Ты сам-то знаешь это? Кажется, и не подозреваешь...

ТИЛЬТИЛЬ.

Во всем доме было только одно маленькое зеркальце, не больше ладони; его взяла Митиль и прячет у себя в комнате...

Ф е я.

А! У Митиль теперь своя комната?...

Т и л ь т и л ь.

Да, она спит рядом, под лестницей; а я—вот тут, в кухне... Хотите, я ее разбужу?...

Ф е я (*вдруг и без причины рассердившись, как в прежнее время*).

Совершенно ни к чему!... Сейчас мне нет до нее дела: ее час еще не пришел, а когда он пробьет, я и сама сумею ее найти, нечего будет меня водить, как слепую... А пока мне ничьих советов не надо..

Т и л ь т и л ь (*изумленный*).

Но, мадам, я не знал...

Ф е я.

Довольно. (*Смягчившись так же быстро, как разгневалась*). Кстати, сколько тебе лет?...

Т и л ь т и л ь.

Через две недели после Крещения будет шестнадцать.

Ф е я (*опять рассердившись*).

Через две недели после Крещения!... Что за счет такой!... А у меня как раз нет с собой календаря, забыла его у

Рока, когда была у него последний раз, пятьдесят лет назад... И не могу сообразить... Ну, да все равно. Когда опять увижусь с ней, я высчитаю, потому что нужно, чтобы это было очень точно... Что же ты делал за те семь лет, что мы не видались?...

Т и л ь т и л ь.

Работал в лесу с папой...

Ф е я.

То-есть ты помогал ему рубить деревья... Не очень то я люблю это... И ты называешь это—работал!... А впрочем, раз люди, повидимому, не могут больше жить без того, чтобы не разрушать последние красоты земли... Поговорим ка о другом... (*Таинственно*). Никто нас не услышит?..

Т и л ь т и л ь.

Не думаю...

Ф е я (*опять рассердившись*).

Нужно не думать, а знать наврное... То, что я должна тебе сказать, чрезвычайно важно и совершенная тайна... Подойди поближе, я скажу тебе на ухо... Кого ты любишь?..

Т и л ь т и л ь (*очень удивленный*).

Кого люблю?...

Ф е я *(все еще с раздражением и совершенно забыв, что нужно говорить шепотом)*.

Ну, да, кажется не по латыни с тобой говорят... Я тебя спрашиваю, любишь ты когонибудь?..

Т и л ь т и л ь.

Конечно. Всех люблю, родителей, друзей, сестру, соседей, всех, кого знаю...

Ф е я.

Пожалуйста, не разыгрывай из себя идиота... Ты отлично понимаешь, что я хочу сказать... Я тебя спрашиваю, любишь ты по особенному какуюнибудь девушку, из тех, с которыми встречался?..

Т и л ь т и л ь *(краснея и собираясь с мыслями)*.

Не знаю...

Ф е я *(сердясь больше прежнего)*.

Как это не знаешь!.. А кто же тогда знает?.. В твои годы только об этом и нужно думать, если ты не размазня, не дурак, не дрянцо какое-то... Нечего краснеть; вот когда не любишь, тогда хоть провались сквозь землю... Нам здесь важна не лживость слов, а истина мысли, а это совсем другое дело... Ну, так из всех тех, с которыми ты встречался..

Тильтиль (робко).

Я редко вижу...

Фея.

Это все равно. Вовсе нет необходимости видеть целую кучу... Часто совершенно достаточно заметить одну; когда нет других, любишь эту, и не приходится жаловаться... Ну, так вот, из тех, которые около тебя...

Тильтиль.

Около меня никого нет...

Фея.

Ну, у соседей...

Тильтиль.

У нас почти совсем нет соседей..

Фея.

Ну, в деревне, в городе, в глубине леса, в каждом доме... Везде находишь их, когда проснулось сердце... Которая из них самая красивая?...

Тильтиль.

Да все—очень красивые...

Фея.

Сколько ты их знаешь?..

Тильтиль.

Четыре в деревне, одна в лесу, и одна у моста...

Фея.

Ого! Это уж не плохо!..

Тильтиль.

Знаете, здесь так мало народу...

Фея.

Да ты бойчей, чем можно было думать... Но скажи мне, по секрету, они тебя тоже любят?...

Тильтиль.

Они мне не говорили; они не знают, что я люблю их...

Фея.

Да это не нужно ни знать, ни говорить!.. Это видишь сразу, когда живешь в истине... Довольно одного взгляда, — в этом нельзя ошибиться; а слова, которые произносятся, служат только для того, чтобы скрывать то, что говорит сердце... Слушай, мне некогда, хочешь я приведу их сюда?...

Тильтиль (*в страхе*).

Приведете сюда?... Да они не захотят... Они едва знакомы со мной... Они знают, что я — бедный... Они даже не знают, где я живу, особенно деревенские, они никогда не

ходят здесь... От церкви до нашего дому — час ходу, дороги плохие, трудные, ночь...

Ф е я.

Что? Что такое? И что еще?... Не будем об этом говорить... Мы по ту сторону лжи... Они придут, как только я подам им знак...

Т и л ь т и л ь.

Но я даже не знаю, замечали ли они меня...

Ф е я.

Взглядывал ты на них?...

Т и л ь т и л ь.

Да, иногда...

Ф е я.

И они отвечали на твои взгляды?

Т и л ь т и л ь.

Да, иногда...

Ф е я.

Ну, вот, этого и довольно, и в этом — вся истина. Так отдают себя в том мире действительности, куд а я поведу тебя... Все остальное не имеет значения... Они не ошибаются. Ты увидишь, они знают все, что нужно знать, когда

мы без посторонних. Потому что то, что мы видим,—ничто, а невидимое правит всем миром... Итак, внимание!.. Опять вынимаю я из своего мешка зеленую шапочку!... Узнаешь?..

Тильтиль.

Да, только она больше...

Фея (*сердито*).

Понятно! Она росла вместе с твоей головой... Всегда какие-то ненужные замечания...

Тильтиль.

И алмаз стал другого цвета... Словно синий...

Фея.

Да это уж не алмаз!.. Теперь дело уже не в душе хлеба, сахара и других простых и не имеющих значения предметов, а совсем в ином... Предстоит выбрать великую и единую любовь твоей жизни; потому что у каждого человека любовь бывает только одна... И если он пропустит ее, он бродит по земле несчастным... До смерти ищет он, не выполнив великого долга по отношению ко всем тем, которые в нем... Но по большей части он даже не подозревает об этом... Он идет с закрытыми глазами, случайно, в темноте, находит какую-то женщину, показывает ее братьям своим, словно завоевал вход в рай. Он думает, что нет никого в мире, кроме него, и воображает, что все начинается и кончается в его сердце... Все это—неленость.. Но довольно... Ну, что же, все готово?.. Надень шапочку и поверни Сапфир; они войдут...

Тильтиль (*в страшном смущении*).

Но я не одет!.. Подождите, подождите!.. Что же мне надеть?.. Ах, вот счастье-то!.. На стуле как раз мое воскресное платье, почти новые штаны и чистая рубашка... (*Торопливо одевается*).

Фея.

Ну, довольно... Все это ни к чему; они даже не обратят внимания на то, как ты одет... Ты же будешь иметь дело не с маленькими дурочками... Может быть они и такие в другой жизни; но не в этой, которая одна только и имеет значение. Выступит на свет то, что в них истинное...

Тильтиль (*в сильной тревоге*).

Они придут все сразу?.. Их, по крайней мере, шесть... Уж не помню... А вдруг они начнут ссориться, вцепятся друг другу в глаза?..

Фея.

Да ты, кажется, фатишка, а?..

Тильтиль.

Нет, я только боюсь шума, из-за папы...

Фея.

Да говорю же тебе, мы больше не на земле!.. Разве ты не чувствуешь, воздух гораздо чище и свет совсем иной?.. В

той сфере, где мы теперь находимся, мужчины и женщины больше не ссорятся, не хотят друг другу зла... Все это была лишь видимость и, в действительности, ее не существует... Если и будут такие, которые опечалятся, видя, что ты колеблешься в своем выборе, они будут всетаки до конца надеяться. И потом они же отлично знают, что в любви нельзя избежать печали...

Тильтиль.

Откуда они войдут?..

Фея.

Право, не знаю... Каждая из них поступит, как ей вздумается; одна войдет через окно, другая—через крышу, через стену, из погреба, из камина... Некоторые войдут даже через дверь; но это самые неинтересные, у них нет воображения... Впрочем, там увидим... Довольно болтать, надо спешить, поверни же Сапфир...

Тильтиль *(стараясь выиграть время, чтобы скрыть свой страх)*.

А в какую сторону нужно повернуть?..

Фея.

Всегда справа налево, как и алмаз. *(Смотрит на Тильтиля)*. Боже, до чего ты бледен!.. Да что такое с тобою?.. Уж не страшно ли тебе?

Тильтиль.

Совсем не страшно... Напротив... Я всегда такой...

Фея.

В этом не стыдно сознаться; это минута очень серьезная, и если бы люди знали, к чему приводит, и в этой жизни и во всех других, неправильный выбор, они не посмели бы любить... Но они рады отдалить страшное мгновение, а я, глухая, слушаю тебя... Поверни же Сапфир!..

Тильтиль поворачивает Сапфир, и тотчас же хижина наполняется сверхестественным светом, облекающим все предметы свадебной красотой, чистотой и радостью. Бесшумно открывается окно, и в комнату спускается девушка, одетая как дровосек, с топориком в руке, подбегает к Тильтилю и обнимает его.

Девушка.

Здравствуй, Тильтиль!.. Ты звал меня, я пришла!..

Тильтиль.

Вот так так! Да это Милетт!.. (Фее). Это Милетт, дочь дровосека Хашфера... Мы иногда встречаемся в лесу... (Обращаясь к Милетт). Так ты меня любишь?.. Ты никогда мне не говорила...

Милетт.

Разве говорят это в той жизни, где все запрещено?.. И разве нужно это говорить?.. Но я сразу узнала, с первого же дня, что ты любишь меня; и я сразу же полюбила тебя,

навсегда... Это было вечером, ты шел со своим отцом и нес пучек лавровых веток... Ты не знал еще, как меня зовут; и ты поздоровался со мной, глядя мне в глаза... Я ответила: «Покойной ночи» и опустила глаза, но твой взгляд вошел в мое сердце; с тех пор, не покидая своего дома, я часто приходила сюда; но ты, кажется, даже и не замечал этого...

Тильтиль.

Да нет, нет, это я приходил к тебе каждый вечер, после захода солнца... Меня никогда не бывало дома... Мама мне говорила: «О чем ты все думаешь, Тильтиль?» А папа отвечал: «Опять он на луне». А я был совсем не на луне, а у тебя; но ты не обращала никакого внимания; ты была занята огнем в печке, супом, кроликами; колола дрова или вязала пучки, словно никто и не входил к тебе в избушку...

Милетт.

Да нет же, я была здесь и все время обнимала тебя; но ты не отвечал мне ни на один мой поцелуй...

Тильтиль.

Говорю же тебе, это я всегда обнимал тебя; говорю же тебе, что это тебя никогда не было здесь...

Милетт.

Странно, как люди глупы и как ничего не видят, пока еще не начали видеть... Но теперь, когда мы знаем, когда видим, мы будем целоваться, сколько можем...

Тильтиль (*жарко целуя Милетт*).

Да, да, целоваться еще, еще, пока хватит поцелуев на губах!.. Боже, как это хорошо, как хорошо! Я еще никогда никого не целовал; и совсем не знал, что это такое! Боже, как это хорошо, как хорошо, как хорошо!.. Никогда не буду я сыт!.. Больше мы уж ничего другого не будем делать!..

Милетт.

И я не буду сыта, и я!.. И я не буду делать ничего другого, и я не буду!.. Я целовала только папу и маму; это—совсем не то же самое.. Так это правда, что ты меня любишь, мой Тильтиль, что ты любишь только меня?.. Кто это идет?..

Входит, через раскрывшуюся и опять захлопнувшуюся за нею стену, девушка в лифчике и юбке кроваво-красного цвета. К поясу подвешены ружье и охотничий нож. Она бросается к Тильтилю и обнимает его, восклицая: «Вот я, Тильтиль мой, вот я»...

Тильтиль (*Фее*).

Это Беллина, моя кузина, дочь мясника.. Что с тобой, Беллиночка — ты совсем мокрая, задыхаешься?

Беллина.

Еще бы!.. От деревни до тебя далеко!.. Я даже не успела помыть руки... Я помогала папе свежевать телят; как только мысль твоя подала мне знак, я бросила нож, я кинула все, только бы поскорее прибежать к тебе... Кажется, там я даже

сильно порезала себе палец; но здесь этого совсем не видно... Папа ничего не понимает, вероятно он злится!.. (*Увидав Милетт*). Здравствуй, Милетт.

Милетт.

Здравствуй, Беллина... Ты тоже любишь его?..

Беллина.

Конечно, я тоже люблю его... Ты не рассердишься?..

Миллет.

Ничуть, даже напротив... Мы будем любить его обе...

Беллина.

Какая ты сегодня красивая, Милетт...

Милетт.

Нет, это ты красивая, Беллина, никогда еще ты не была такой красивой...

Тильтиль (*Фее*).

Как они благоразумны...

Фея.

Совершенно естественно, они ведь знают, что ты не виноват...

В этот миг очаг освещается, раскрывается и пропускает третью девушку в одежде трактирной служанки; под левой рукой у нее оловянный поднос, под правой — бутылка.

Молодая девушка *(полная жизни, бросаюсь к Тиль-тилю)*.

Вот, вот! Это я!.. Здравствуйте все, все, но прежде всего мои поцелуи Тильтилю!..

Тильтиль.

Ах, и ты тоже Розелль!.. *(Фее)*. Это — Розелль, девушка из трактира «Золотое Солнце». Разве сегодня никого вечером не было в трактире, что ты могла уйти?..

Розелль.

Напротив!.. Тьма народу!.. Сам понимаешь, ночь под Рождество... Гостей полна гостиница, сидят за конторкой, сидят по всем окнам... Я уронила поднос с двенадцатью рюмками, когда ты позвал меня... Видишь, у меня и сейчас еще под этой рукой поднос, под этой — бутылка водки... Она мешает мне обнять тебя.. А они там сидят и орут мне вслед, точно я подожгла дом... Должно быть, думают, что я сошла с ума... Да мне совершенно все равно... Я была так счастлива, когда вдруг почувствовала, что ты думаешь обо мне... Голова у меня сразу так и закружилась... Здравствуй, Тильтиль мой!.. Поцелуй меня еще раз!.. Как ты поживаешь?.. Ты стал еще красивее, чем когда я видела тебя в последний раз..

Тильтиль *(целует ее)*.

И ты, Розелль, ты тоже очень похорошела, и какие у тебя нежные и свежие щеки сегодня!.. До сих пор я не смел

поцеловать тебя... Когда другие целовали тебя, я думал: «Как они должно быть счастливы»...

Розелль.

Разве можно сравнивать — другие не считаются... Но я отлично видела, что ты не осмеливаешься... И я тоже не смела, но мне до смерти хотелось.. Помнишь, как ты первый раз пришел в трактир, шесть недель тому назад?.. Это было воскресенье утром, после большой мессы; ты ни на кого не смел взглянуть; но передо мной ты вдруг поднял глаза, точно зачарованный...

Тильтиль.

И ты тоже подняла глаза, и они стали такие огромные...

Розелль.

Что сделали наши глаза? Что такое случилось?.. Я с того дня думаю только о тебе, работать перестала, всегда — вот здесь; но ты приходил так редко...

Тут появляется, спускаясь по чердачной лестнице, четвертая девушка; ее крестьянская одежда — вся белая от муки.

Тильтиль (*оборачиваясь*).

Кто там?.. Ты, Эметт? (*Фее*). Это — Эметт, тоже моя кузина, дочь мельника...

Фея.

Хорошо, хорошо, ты, я вижу, молодец ..

Э метт (*немного смущенная*).

Я пришла сюда, как была на мельнице... Не успела по-чиститься...

Тильтиль.

Это не важно... Все равно, поцелуй меня... Какая ты под этой пудрой молоденькая и розовенькая!..

Э метт.

Я боюсь... Я измажу тебя мукой...

Едва успевают они произнести эти слова, как через другое окно входит пятая девушка, босоногая, простоволосая, в лохмотьях; в руке у нее деревянная чашка, в которой позвякивают монеты. Она не решается подойти ближе.

Тильтиль.

Еще одна!.. (*Фее*). Это Жаниль, маленькая нищенка с моста у лесного домика...

Ф е я.

Отлично, отлично... Но я пойду разбужу твоего отца, пусть велит расширить дом...

Тильтиль.

Я же не виноват... Я ведь не нарочно... Нельзя было не полюбить их... Как ты поживаешь, Жаниль?.. Куда ты девала своего старого слепого безногого отца?..

Ж а н и л ь.

Оставила на мосту...

Т и л ь т и л ь.

Как?... Одного, ночью?... Это очень неосторожно...

Ж а н и л ь (*готовая заплакать*).

Да, я знаю, что это дурно... Очень, очень дурно... Больше никогда не буду... Но что же делать, Тильтиль, это было сильнее меня. Когда ты меня позвал, я не могла устоять...

Т и л ь т и л ь (*целует ее*).

Ну, не надо, не плачь... Я помогу тебе отвести его домой... Помнишь, раз вечером я помог тебе, когда шел через мост, и отдал тебе последний медячек, который был у меня в кармане...

Ж а н и л ь.

Он всегда со мной, Тильтиль... Я положила его в коробочку... Я его не потеряю...

Т и л ь т и л ь (*снова целует ее*).

Господи, как хорошо от тебя пахнет вервеной и тимьяном...

Дверь тихо открывается, входит шестая девушка. Она в вечернем туалете, в меховой шубке, с веером в руках.

Тильтиль.

Кто это еще?

Фея.

Да откуда они берутся?.. В твои-то годы!.. Вот бы никогда не подумала...

Тильтиль.

Да я и не знал... (Фее). Господи, да это Розареллы!.. Дочь мэра!.. Знаете, такая большая, большая ферма, с тремя круглыми башнями, у въезда в деревню?.. Что я стану делать?.. Она ведь такая гордая!..

Фея.

Да нет, нет же, она будет не более гордая, чем другие. Заговори с ней, ты увидишь...

Тильтиль.

Я боюсь... Что я ей скажу?..

Розарелль (*подходя к нему*).

Что же, Тильтиль, ты меня не узнаешь?..

Тильтиль.

Что вы, конечно, мадмуазель. Только я не думал...

Розарелль.

Мадмуазель?.. Что это значит?.. Я не знаю такого имени... Меня зовут Розарелль, и тебе это отлично известно... У моего

отца был большой обед по случаю Рождества... Твоя мысль позвала меня за десертом... Я сейчас же встала, опрокинула бокал шампанского... Все очень встревожились, обступили меня, думали, что я больна... Мне было очень трудно убежать, но вот, я, наконец, здесь, и можно поцеловаться. Помнишь, как мы глядели друг на друга, когда ты приносил вязанки к нам во двор?..

Тильтиль.

О да, ты была такая красивая, и я боялся шевельнуться... Но сегодня ты еще гораздо красивее...

Розарелль.

Но это началось, и я поняла, что со мной, только в тот день, когда ты принес мне трех маленьких снигирей. которых нашел в лесу...

Тильтиль.

Да, да, припоминаю... Я тоже понял... А снигири еще живы?..

Розарелль.

Две птички умерли, за то третья прелестная... Я посадила ее в золоченую клетку, на моем окне, и каждый раз, как она начинает петь...

Ф е я.

Послушайте, это очень интересно, все эти маленькие признания, но нам нельзя терять время... Нужно, чтобы все

было кончено сегодня ночью, потому что такие случаи не повторяются, и с каждым человеком это бывает только раз в жизни... Горе тем, которые упустят!.. Теперь нужно договориться, все наладить и сделать тот великий выбор, от которого зависит счастье прежде всего двух существ, а потом и еще многих других...

Тиль тиль (*в сильном волнении*).

Нужно выбрать теперь же, немедленно, и можно выбрать только одну?..

Ф е я.

Успокойся, это—не твое дело, выбирать будешь не ты..

Тиль тиль (*ошеломленный*).

Выбирать буду не я?..

Ф е я.

Да нет же, это тебя не касается...

Тиль тиль (*все сильнее задыхаясь*).

Это меня не касается?..

Ф е я.

Да нет же, я сказала, это—не твое дело...

Тиль тиль (*сбитый с толку*).

Значит я не могу любить, кого я хочу?..

Ф е я.

Конечно, нет, никто не любит того, кого хочет, и не делает в жизни того, что хочет.. Прежде всего нужно научиться узнавать, чего хотят все те, от кого ты зависишь...

Т и л ь т и л ь.

Все те, от кого я завишу?..

Ф е я.

Ну да, прежде всего твои предки...

Т и л ь т и л ь.

Мои предки?..

Ф е я.

Все те, которые умерли до тебя...

Т и л ь т и л ь.

Да чего же им вмешиваться, раз они умерли?.. Я их не знаю.

Ф е я.

Да, но они тебя знают... И потом все твои дети..

Т и л ь т и л ь.

Мои дети?.. Какие дети?.. У меня никогда их не было!..

Ф е я.

Нет, нет, у тебя тысячи детей, еще не родившихся, и они ждут мать, которую ты дашь им...

Т и л ь т и л ь.

Значит, это они будут выбирать мне невесту?..

Ф е я.

Да разумеется; это всегда так бывает... Но довольно заниматься рассуждениями; нужно кое-что приготовить для нашего большого путешествия, оно будет очень продолжительным и довольно утомительным... Прежде всего, нужно раздобыть денег... У меня нет больше. Волшебная палочка, доставлявшая мне деньги, находится в починке в центре земли... Уж и не знаю, где достать необходимую сумму... Расходы довольно крупные... (*Обращаясь к девушкам*). Нет ли у когонибудь из вас с собой несколько тысяч франков?..

Ж а н и л ь.

У меня в чашке всего тринадцать су, да еще монетка Тильтия, но ее я не могу отдать...

Р о з е л ь.

А у меня семь с половиной франков, сегодняшняя выручка...

М и л е т т.

У меня нет ничего...

Розарелль.

И у меня нет при себе ничего, но дедушка очень богат...

Фея.

Хорошо, больше нам ничего и не нужно; он может нам одолжить...

Розарелль.

Да, но он такой скупой!..

Фея.

Ничего подобного—это ошибка. Нет скупых... Благодаря Сапфиру, вскрывающему сущность вещей, вы увидите, что он не скупее нас с вами, и что он даст нам все, что мы у него попросим... Первый наш путь и будет к нему... Ну-ка, все готово?.. Как нам отсюда выйти?..

Тут посреди сцены открывается люк, и из него медленно поднимается гигантское туловище, похожее на башню, в два раза выше человеческого роста. Оно—четырёхугольное, громоздкое, внушительное, давящее и производит впечатление гранитной глыбы и слепой, непреклонной силы. Лица не видно. Туловище обложено в сероватые, негнувшиеся ткани, напоминающие ребра скалы. Фея сейчас нам сообщит, что это—Рок.

Рок.

Это я... Про меня, как всегда, забыли...

Тильтиль (*с некоторым испугом*). -

Что это за господин?..

Ф е я.

Он прав, я про него забыла... Ничего, это Рок. Я не рассчитала, что Сапфир и его сделает зримым... Нужно, чтобы и он сопровождал тебя; ему нельзя помешать, это его право... Дай ему руку...

Т и л ь т и л ь.

Это он поведет нас?..

Ф е я.

Там видно будет... Посмотрим, что скажет Свет; это он должен договориться с ним...

Т и л ь т и л ь.

В самом деле, Свет... Где же он?.. Разве его не будет с нами?..

Ф е я.

Будет, будет; но у него сейчас очень много дела... Он был занят сегодня вечером... Мы встретимся с ним у меня, мы отправимся ко мне прямо от Скупого...

Т и л ь т и л ь.

Как я буду рад опять увидеть его!.. Он был такой милый, нежный, красивый, ласковый и добрый!..

Ф е я.

Ну, дай руку Року, мы отправляемся...

Тильтиль протягивает руку чудовищу; оно сжимает ручку ребенка в своей громадной руке цвета бронзы.

Т и л ь т и л ь.

Вот, господин... (*вскрикивая*). Ай!.. Это не рука, а стальные щипцы!..

Ф е я.

Ничего, привыкнешь... Ну, все, наконец, в порядке?.. Ничего не забыли?.. Раз, два, три—в путь...

Стучат в дверь.

Ф е я (*раздраженно*).

Кто это еще мешает нам?.. Выйдем мы когда-нибудь из этой лачуги?..

Опять стук.

Т и л ь т и л ь.

Войдите!..

Стучат в третий раз.

Кто там?.. Да входите же!..

Дверь тихо отворяется, и на пороге появляется фигура женщины в длинных белых покровах, подобная античной статуе. Лицо, руки, рот, глаза, волосы, брови—белизны мрамора и лишены жизни. Она неподвижно стоит на пороге.

Что это?..

Ф е я.

Право, не знаю... Должно быть, одна из тех, кого ты забыл...

Т и л ь т и л ь. (*напрасно роясь в своей памяти*).

Я?.. Я никого не забыл... Я никогда ее не видал... Не могу припомнить... (*Подходит к закутанной фигуре*). Кто вы?

Фигура не отвечает.

Ф е я.

Напрасно ее спрашивать.. Она ничего не может тебе сказать, она не может ожить, пока ты не оживишь ее своим воспоминанием...

Т и л ь т и л ь.

Но нет у меня воспоминания... Сколько я ни ищу, сколько ни роюсь в памяти,—не нахожу ничего...

Ф е я.

Ну, хорошо, хорошо; мы увидим потом, когда все осветится... Раз она загораживает дверь,—выйдем в окно... Вперед, вот сюда, жребий брошен, праздник начинается...

Рок.

Позвольте, позвольте, это я—Жребий, я начинаю и я повелеваю... Я пойду первым, потому что я все направляю и я один—хозяин!..

Окна открываются в уровень с землею, и все уходят в звездную ночь; впереди всех Рок, ведущий Тильтия за руку. Белая фигура медленно следует за ними, на некотором расстоянии.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Перед дверью.

Перед занавесом, изображающим большую двустворчатую дверь под низким сводом. Дверь—громадная, толстая, тяжелая, старинная, несокрушимая, окованная железом, утыканная гвоздями. Посередине двери—внутренний замок.

Входят Фея и Тильтиль, с пустой котомкой на плече.

Фея.

Вот дверь Скупого...

Тильтиль.

Где мои подружки?..

Фея.

У меня, в моем дворце; они там в безопасности и ждут тебя... Кончай скорее и возвращайся...

Тильтиль.

А Рок?.. Я думал, что он уже не отпустит меня...

Фея.

В самом деле, странно... Но нам нечего бегать за ним; а потом, это его дело, мы-то вполне можем обойтись и без него...

Тильтиль.

Вы пойдете со мной к Скупому?..

Фея.

Нет, лучше, чтобы ты был с ним с глазу на глаз... Надеюсь, ты не боишься?..

Тильтиль.

Ни чуточки не боюсь, но не знаю, право, как приняться за это...

Фея.

А между тем, это очень просто: когда ты войдешь, ты повернешь Сапфир, — и он даст тебе все, что ты захочешь...

Тильтиль.

Он не сделает мне ничего дурного?.. Ведь я без оружия...

Ф е я.

Напротив, он будет в восторге, что может оказать тебе услугу...

Т и л ь т и л ь.

А как войти?.. Нет ни звонка, ни молотка... Постучать?.

Ф е я.

Ни в коем случае!.. Он насторожится и станет несговорчив... Да очень просто сделать... Я сейчас коснусь своей палочкой большого замка, двери раздвинутся вправо и влево, и ты сразу окажешься по ту сторону двери, т. е. уже внутри его пещеры, а он даже не заметит. Очутившись там, ты постоишь тихонько в уголке, поглядишь на него среди его золота, если хочешь; а тебе захочется, потому что это довольно любопытно; потом, когда ты достаточно наглядишься на него, ты повернешь Сапфир... Стань вон там, налево, у сводчатой стены, так, чтобы тотчас же и без шума войти в его пещеру... Приготовься!.. Сейчас дверь исчезнет. А я скроюсь вот сюда...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Подвал Скупого.

Фея касается своей палочкой громадного замка, и тотчас же тяжелые створки двери расходятся посередине, движутся вправо и влево и исчезают в кулисы, открывая пещеру Скупого—обширный подвал с низким, нависшим сводом, заваленный большими мешками, набитыми медной, золотой и серебряной монетой. Сцену освещает лишь одна тонкая коптящая свеча. Тильтиль старается спрятаться получше в темном углу. Скупой, старик с крючковатым носом, с грязной седой бородой, длинными редкими волосами, одет в какой-то испачканный, заплатаанный халат. На земле разостлан старый ковер, на краю которого стоят три набитых золотом мешка.

Скупой.

Сегодня пересчитаю опять деньги в этих трех мешках. Должно быть, когда я считал последний раз, я ошибся... Не хватает трех луидоров... Три луидора—это целых шестьдесят франков. На шестьсот тысяч франков—это не пустяк... Всю ночь не мог сомкнуть глаз... В каждом мешке должно быть по двести тысяч франков, в двух—двадцатифранковыми луидорами, в третьем—десятифранковиками. Высыплю все на ковер, полюбуюсь сперва прекрасною грудой... (*Высыпает на ковер содержимое одного мешка*). Так и струятся!... Так и струятся!.. Сколько их!.. Сколько их!.. Трудно поверить, что столько их в одном мешке, когда вот так рассыплешь золото... Теперь второй... Этот мешок с маленькими луидорами... Они такие же красавцы, как и большие... Только

помоложе, вот и все, и их больше... Ну, теперь посмотрим, что в третьем... *(Опорожняет третий мешок; несколько золотых монет катятся с ковра. Он бросается животом на землю, чтобы поймать их)*. Э, нет! Э, нет, крошки мои!... Так не полагается! Так не бегают!.. Ничто не уходит из этого подвала!.. Хотите спрятаться, чтоб потом убежать?.. Куда? Где же лучше, чем здесь?.. Хотите убежать от своего старичка-отца! Право, это не хорошо!... Сюда, крошечки мои, сюда, мои дорогие, сюда, красоточки!.. Назад в кучу, сию минуту назад в овчарню, там так хорошо... *(Подбирает особенно далеко закатившуюся монету)*. Ах ты, я знаю тебя, ты всегда норовишь удрать, ты сорванец и подаешь дурной пример... Проси прощения, а то накажу... Первую истрачу тебя, если когда-нибудь куплю себе что-нибудь!.. Отдам тебя нищему, слышишь ты?.. *(Целует монету)*. Нет, нет, я пошутил... Ну, ну, не плачь... Хотел только попугать тебя... Я все-таки очень люблю тебя, только ты не пробуй опять!.. Вот, вот, вот! вот они, передо мной, кругом... По крайней мере, недели две уйдет, пока пересчитаю все и взвешу на весах... Сколько их! Сколько их!... Какие красоточки, какие красоточки!.. Всех знаю, мог бы каждую по имени назвать... Надо бы сорок тысяч разных имен, и каждое имя означает сокровище!.. *(Валется по ковру, усыпанному золотом)*.. Люблю смотреть на них вблизи!.. Боже, как прекрасно это ложе и как хорошо быть среди своих дочек!.. Потому что ведь они в самом деле мои дочери, я родил их на свет, воспитал, охранял от несчастий, ласкал и лелеял, знаю историю каждой из них, знаю, каких они мне стоили забот;

но нечего вспоминать обо всем этом, они любят меня, я люблю их, и мы больше не расстанемся... Как хорошо быть счастливым!.. (Он горстями перебирает золото, сыплет его себе по груди, по лицу, по бороде и испускает от удовольствия легонькие крики, которые понемногу превращаются в настоящий рев сладострастия. Вдруг он вздрагивает, подсакивает и встает. Ему почудился какой-то шум). Что это?.. Кто там?.. (Успокаиваясь). Нет, нет, ничего, никто не посмел бы... (Он замечает Тильтиля и издает ужасный крик). Вор!.. Вор!.. Вор!.. Вы тут зачем!.. Вы тут зачем!..

С пальцами, изогнувшимися точно когти, испуганный, страшный, он бросается на Тильтиля; тот отскакивает и быстро поворачивает Сапфир. Старик сразу останавливается. В нем происходит внутренняя борьба, повидимому, очень сильная, длящаяся несколько секунд, затем руки у него опускаются, лицо разглаживается и проясняется. Точно он проснулся от дурного сна и прогоняет его со своего лица. Удивленно глядит на разбросанное по ковру золото, трогает его и отталкивает ногой, словно не узнает его, затем обращается к Тильтилю, и голос его очень спокоен и ласков.

С к у п о й.

Ты точно разбудил меня... Как ты попал сюда?.. Зачем ты пришел?..

Т и л ь т и л ь.

Я пришел попросить вас одолжить мне немного денег... Мне сказали, что они понадобятся мне, чтобы отыскать мою невесту...

Скупой.

А есть у тебя, во что положить их?..

Тильтиль.

Я принес вот эту котомку...

Скупой.

Я с большим удовольствием ее тебе наполню, но предупреждаю тебя, золото очень тяжелое, у тебя не хватит сил снести его...

Тильтиль.

Положите туда, сколько хотите...

Скупой (*горстями насыпая золото в котомку*).

Помоги мне... Мы наполним ее до краев... И посмотрим, что получится... Если окажется, что слишком тяжело, не трудно будет отсыпать...

Тильтиль.

О, вы даете мне слишком много, мне столько не надо... Значит, вы вовсе не скупой, как мне говорили?..

Скупой.

Я?.. Совсем нет... Зачем мне быть скупым?.. Жить мне остается всего несколько недель, и мне больше уже ничего не нужно... Я почти ничего не ем и пью одну только воду...

Т и л ь т и л ь.

А между тем, когда я вошел, вы лежали на вашем золоте, целовали его, называли ласковыми именами, у вас был такой вид, что вы обожаете его...

С к у п о й.

Да, кажется, это меня забавляет... Что же делать, когда состаришься, забавляешься, чем можешь... Но это не я делаю это... Все это—только в роде сна... Сам я думаю о совсем ином... И со всеми людьми так, во все возрасты... Часто они вовсе не там, где их видят; часто они совсем не делают того, что кажется; каждый живет во сне, который не имеет ничего общего с подлинной его жизнью... Но сейчас не время объяснять тебе это... Ну, вот, полна твоя котомка... Можешь поднять?..

Т и л ь т и л ь (*силясь поднять*).

Нет, очень тяжело... отсыпем немножко...

С к у п о й (*отсыпая из котомки*).

Ну, теперь будет легче...

Т и л ь т и л ь.

Постойте! Да вы же высыпаете все!.. Ничего не останется... Я немножко прибавлю...

С к у п о й.

Уж не становишься ли и ты, в свой черед, скупым?..

Тильтиль.

Нет, но я не знаю, удастся ли мне еще раз прийти..
Помогите мне только поднять котомку на плечи...

Скупой (*помогая ему поднять мешок*).

Вот!..

Тильтиль (*покачиваясь под тяжестью*).

Господи, до чего оно тяжелое, это золото!..

Скупой.

Кому ты это говоришь!.. Далеко тебе идти?..

Тильтиль.

Право, я сам не знаю...

Скупой.

Какая погода на дворе?..

Тильтиль.

Было солнце...

Скупой.

А здесь и не поверишь... Сколько уж лет не видал я ни солнца, ни зелени!.. Но твой мешок давит тебя, бедняга...

Ну, давай поцелуемся, еще увидимся ли когда-нибудь... Благодарю за хорошие минуты, которые ты мне доставил, а особенно за то, что разбудил меня... Я воспользуюсь последними днями, которые мне остаются...

Тиль тиль.

Где выход?..

Скупой.

Кажется, вон там...

Тиль тиль идет под свод; тотчас же створки двери сдвигаются и закрываются за ним; он остается один, в темноте, перед большой запертой дверью.

Тиль тиль.

Ночь... Вот я один... Где я?.. Куда идти?..

Рок (*выступая из мрака*).

Сюда!

Тиль тиль.

А! Это вы! А я думал, вы бросили меня...

Рок (*хватая его за руку*).

Я был здесь. Я никогда не теряю тебя из виду...

Тиль тиль.

Хорошо, только не идите так быстро!.. Мешок у меня ужасно тяжелый... Вы были бы очень любезны, если бы

немного помогли мне его нести, вместо того, чтобы заставлять меня бежать...

Рок.

Я не слуга людям... Вперед, вперед, вперед!..

Уходят.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната во дворце Феи.

Комната во дворце Феи, что-то в роде прихожей или кладовой, куда снесены главные принадлежности из сказок: тыква и башмачек Золушки, горшок и пирожок Красной Шапочки, камушки Мальчика с пальчик, золотые короны Дочерей Людоеда, прялка, веретено и кадушка с гадушками Спящей Красавицы, сапоги Великана, ключ Синей бороды, Синяя Птица в серебряной клетке; по стенам развешаны платья Ослиной Кожы, цвета времени, луны и солнца и т. д. Все это, при сером неблагоприятном свете, и имеет вид довольно жалкий. В комнате заперты семь подружек Тильтиля. Вследствие этого неблагоприятного света, они кажутся куда менее красивыми, чем когда входили в хижину дровосека, и вид у них утомленный, недовольный и хмурый, кроме девушки в белых покровах, которая стоит в стороне, неподвижная, бесстрастная и непроницаемая.

Беллина (*дочь мясника*)

Куда нас завели?..

Розарелль (*дочь мэра*).

Понятия не имею; могу только уверенно сказать, что место мало подходящее, чтобы заставлять тут сидеть хорошо воспитанных девушек...

Беллина.

В самом деле, словно кладовая какая-то, куда свалили рухлядь и об'едки изо всего дома...

Розарелль *(с отвращением дотрагиваясь до различных предметов)*.

Что это такое?.. Прялка!.. На что она, Господи?.. Тыква, пирожок, старый горшок, еще что?.. Кадка и дохлые угри!.. Боже, как гадко пахнет!.. Вот уж грязная кухня... И потом старые платья с украшениями из бисера и расшитые молью... Ах, дорогая, что за ужас!.. Мы — у какого-то огородника, у торговли старым платьем, у скупщицы краденого, у старьевщицы, у портнихи для рецидивистов или у модистки для Мадагаскарских негритянок...

Беллина.

Всего понемножку... Не хватает только веника и метелки...

Розарелль.

А им была бы тут работа...

Беллина.

И, вместо стульев, старая деревянная скамья...

Розарелль.

Да, но она, дорогая моя, резная!..

Беллина.

В самом деле, резьба прямо по пыли...

Розарелль.

Дай мне одну из этих ужасных тряпок, я немножко оботру ее...

Беллина (*с заискивающей угодливостью*).

Позвольте, я сделаю, барышня... (*Берет платье лунного цвета и обтирает им скамью*). Вот, теперь все таки лучше, хоть один уголок почище, и можно присесть...³

Розарелль (*сидясь*).

Не могу больше стоять...

Беллина (*сидясь рядом с нею*).

И я, ноги подкашиваются...

Розарелль (*оглядывая все кругом в лорнет*).

Да где же мы, наконец, в какое осиное гнездо мы попали, мой бедный друг?..

Беллина.

Да, конечно, общество немножко смешанное... Мельничиха, трактирщица, дровосекова дочь...

Розарелль.

Точнее сказать — воровка дров.. И даже маленькая вишенка с моста у лесного домика, которой я прошлое воскресение не подала двух су... Милая моя, она просила их так дерзко!..

Беллина.

А что это за белый призрак, который там стоит в углу, не двигается, все молчит и всюду идет за нами?..

Розарелль.

Эта гипсовая кляча, эта крахмальная статуя, это неудачное непорочное зачатие?..

Беллина.

Вид у нее очень болезненный...

Розарелль.

Может быть—это жидовская проказа, Занзибарская чума или Бомбейская холера... Во всяком случае, надо быть осторожными, это все заразительно...

Э метт (*дочь мельника, робко подходя к скамье*).

Я тоже хотела бы присесть, я очень устала...

Розарелль.

Осторожно, мадмуазель... Довольно с меня и пыли, я вовсе не хочу еще в придачу измазаться в муке...

Розелль (*дочь трактирщика*).

Что такое? Что такое?.. Теперь уж и к муке относятся с презрением?..

Розарелль.

Я не с вами говорю, мадмуазель...

Розелль.

Да, но я-то с вами говорю.. Как же вы ели бы хлеб, если бы у вас не было муки?..

Розарелль.

Лучше бы вы сказали своему отцу, чтобы он уплатил три взноса, которые просрочил. .

Розелль.

Заплатит, когда ваш отвратительный скряга-дед велит сделать починки, которых от него требуют вот уже три года...

Беллина.

Должно быть, эти же починки мешают твоему отцу заплатить мяснику?..

Розелль.

Он что-нибудь вам должен?..

Беллина.

Да, вот уже полгода, как не видали цвета его монет...

Розелль.

Он ждет, чтобы в трактире увидали цвет ваших...

Беллина.

Моих?.. Долго вам придется ждать, пока нога моя будет в вашей грязной харчевне...

Розелль.

Ну, ваш папенька не так брезглив, когда приходит по воскресениям и так нализуется, что приходится выпроваживать его мертвецки пьяным...

Розарелль (Беллине).

Не отвечай, дорогая, мы не привыкли к этим кабацким ссорам ..

Розелль.

А вы, мадмуазель дочь мэра, вместо того, чтобы важничать, спросите-ка лучше у своего папеньки, кто понаделал дыр в муниципальной кассе; в них, во всяком случае, не крысы виноваты...

Розарелль (вскакивая в ярости).

Дыры, в которых виноваты не крысы?.. Что вы хотите этим сказать?..

Розелль.

Да то, что вся деревня знает...

Розарелль.

Берегитесь, думайте о том, что вы говорите... Посмейте-ка повторить.

Розелль.

А что ж такое будет, если повторю?.. Не боюсь я ваших важных мин...

Розарелль.

Не в моих важных минах дело. Вот увидите, что тогда будет...

Розелль.

Что ж, извольте, повторяю!..

Розарелль *(давая ей пощечину)*.

А вот вам мой ответ!..

Шум, резкие крики; все смешалось. Розелль и Эметт бросаются на Беллину и Розарелль; Милетт и Жаниль тщетно стараются разнять дерущихся. Только девушка в белых покровах остается неподвижной в своем углу, точно отсутствует. Остальные царапают друг другу лица, рвут волосы и, наконец, поднимают такой пронзительный крик и визг, что Тиль-тиль, возвращаясь от Скупого, слышит их из глубины дворца и прибегает растерянный, испуганный. Он босой, с обнаженной головой, полураздет и сначала не может понять, что такое происходит.

Тиль-тиль.

Что такое?.. В чем дело?.. Что случилось?.. Несчастье?.. Вы ранены?.. Что вы сделали?..

Женщины (говоря все сразу).

Это она!.. Нет, нет, это Розарелль начала... Я вам говорю, что это она!.. Она меня оскорбила!.. Она дала мне пощечину!.. Она посмела оскорбить моего отца!.. Она плохо отзывалась о моей матери!.. Она лжет, она лжет!.. Она чуть не оторвала мне ухо!.. Она вонзила мне шпильку в щеку!..

Входит Фейя.

Фейя.

Ну, что такое? В чем дело?..

Тильтиль (изумленный).

Я сам не знаю... Должно быть, они с ума сошли... Когда я уходил от них, они были такие милые... Я их не узнаю... Посмотрите, посмотрите, они стали совсем другие!.. У Розарелль и Беллины глаза, как у фурий, Эметт смотрит исподлобья, а Розелль нагло, Жаниль вся грязная, а Милетт уличная девка... *(Заливаясь слезами и закрывая лицо локтем, как делают дети, когда плачут)*. Мне их больше не надо, мне их больше не надо!..

Фейя.

Но ты сам виноват, дурачок!..

Тильтиль.

Как, опять я виноват?..

Ф е я.

Ну, да, ты... Во первых, где ты был?.. Куда ты девал свою куртку и зеленую шапочку?..

Т и л ь т и л ь.

Ах, госпожа Фея, я одевался, надевал уже шелковые панталончики и вышитую жемчугом курточку, те, которые вы мне дали, чтобы отправиться в гости к Предкам... И вдруг слышу крики, все бросаю, бегу сюда и вижу, что они дерутся, рвут друг другу волосы, вцепились в глаза...

Ф е я.

Очень рада!.. Это отучит тебя приходить к ним без талисмана, вскрывающего истину... Это совершенно неприлично и неуместно... Ты же понимаешь, сейчас ты видишь их не такими, какие они на самом деле...

Т и л ь т и л ь.

Вижу не такими, какие они на самом деле?.. Какими же я вижу их?..

Ф е я.

Да вот именно не такими, какие они на самом деле, т. е. такими, какими их никогда не следует видеть... И ведь это так просто: все, что безобразно, не подлинное, не настоящее, никогда им не было, никогда им не будет..

ТИЛЬТИЛЬ.

Это легко сказать: но раз видишь, что видишь...

Фея.

Когда видишь, что видишь,—ничего не видишь... Я уже говорила тебе, всем миром правит то, чего не видишь... А это все—и в счет не идет; это только немножко пены на поверхности моря... Однако, беги скорее за Сапфиром, и мы опять обнаружим сущность душ, правду сердец и источник жизни... Постой, не стоит... Вот идет Свет и несет тебе твою шапочку...

Входит Свет.

Свет.

Здравствуй, Тильтиль!..

ТИЛЬТИЛЬ (*восторженно бросаясь ему в объятия*).

Ах, Свет! Свет!.. Добрый Свет!.. Где ты пропадал?.. Что ты делал все это время? Я так жалел о тебе и так часто искал тебя!..

Свет.

Славный мой, маленький Тильтиль!.. Я не терял тебя из виду... Я направлял тебя, давал тебе советы, часто целовал тебя, только ты даже и не подозревал... Но мы как-нибудь поговорим еще обо всем этом; сегодня нам некогда,

я могу подарить тебе одну только ночь, а нужно так много сделать...

Входит Рок.

Рок.

Где Тильтиль?..

Тильтиль.

Я здесь... Я и не думаю прятаться.

Рок.

И хорошо делаешь, это было бы бесполезно, от меня не уйти...

Тильтиль *(удивленно смотря на него)*.

Но что такое с вами?.. Что с вами случилось?.. Право, вы точно стали меньше... И пониже ростом, и поуже... Вы не больны?..

Рок *(действительно ставший заметно меньше)*.

Я?.. Я не изменяюсь, я всегда тот же; я бесстрастен, бесчувствен, неуязвим, неизменен, неизбежен, неумолим, неотвратим, неодолим, непобедим, непреклонен и непреложен...

Тильтиль.

Конечно, конечно, я хотел только сказать...

Фея (тихо Тильтилю).

Не настаивай, ты рассердишь его, и тогда с ним не столкуешься.. Вероятно, это соседство Света плохо на него действует; они никогда не могли жить в ладу... (Громко). Ну, дети мои, пора... Надевай свою шапочку, Тильтиль, и поверни Сапфир, посмотрим, что из этого выйдет; он действует то на сердца, то на умы, то на вещи, а часто на все вместе; ничего нельзя знать наперед...

Тильтиль исполняет приказание Феи. И тотчас же комната освещается голубоватым, сверхъестественным светом, и от него все оживает и делается красивым. Сказочные принадлежности словно пробуждаются от сна; прялка вертится со страшной быстротой и разматывает золотые и хрустальные нити, тыква ширится, покачивается и освещается, Синяя Птица заливается песней, котел Ослиной Кожы с гадуками кипит и извергает цветы и плоды, платья цвета луны и солнца колеблются и сверкают, колонны и арки загораются драгоценными камнями; но особенно велико и чудесно преобразование в группе девушек: черты лиц разглаживаются, глаза становятся больше, сияют улыбки, одежды блистают; расцветают снова невинность, веселье, доброта, красота; Тильтиль, полный восхищения, пьяный от радости, хлопая в ладоши, бросается к девушкам, целуя их, целуемый ими и не зная, кого раньше слушать.

Тильтиль.

Вот они! вот они! вот они вернулись!.. Они прекрасны! Они прекрасны!.. Жаниль и моя Милетт, Эметт и моя Беллина, Розарелль и Розелль!.. Я узнаю их всех и всех их люблю!.. Поцелуемся еще раз, еще, еще!.. Будем целоваться всегда!..

В это мгновение девушка в белых покровах, не участвовавшая в общем преображении и радости, стоя в своем углу, покачнулась и вдруг, не вскрикнув, упала, рухнула сразу, точно статуя, и лежит недвижимая на полу. Молчание, испуг, оцепенение, затем крики, шум, женщины бросаются к ней на помощь и толпятся вокруг нее.

Розелль (*приподнимая ее*).

Сюда, сюда, помогите мне...

Розарелль.

Она не расшиблась?..

Беллина (*заботливо осматривая ее*).

Нет, нет, ничего не заметно...

Эметт (*гладя ее по лбу*).

Она дышит, она вздыхает...

Розарелль (*целует ее*).

Это был только обморок... Скажи нам, что с тобой?.. Тебе не больно, милая?..

Милетт.

Она не отвечает...

Жаниль (*беря и гладя ее руку*).

Может быть, она голодна?..

Милетт (*кладя другую руку*).

Да нет, видишь же, ей холодно...

Жаниль.

Хочешь, я дам тебе свой капюшон?..

Розелль.

Нет, нет, совсем не то... Нужно бы дать ей рюмочку чего-нибудь... у меня нет со мной моей бутылки... И потом, не толпитесь вы все вокруг нее, она задыхается, вы мешаете ей дышать...

Розарелль (*поддерживая ей голову*).

Нет ли у вас воды немного?.. Надо бы послать за врачом...

Беллина.

Она бела, как мрамор... Точно мертвая...

Розарелль.

Да нет же, нет, она приходит в себя... Я слышу, как бьется сердце...

Фея (*вмешиваясь*).

Это ничего, ничего... Я занимаюсь медициной немного дольше, чем люди, и побольше смыслю в ней... Успокойтесь, бояться нечего. Я берусь привести ее в чувство... Но мы

теряем драгоценное время, ночь проходит, и мы ничего не успеем сделать... (*Девушкам*). Идите, идите, мои красавицы, ступайте одеваться, ваши одежды ждут вас, все готово... Идите все за Светом, он вам все укажет... Встретимся в большой бальной зале дворца... (*Девушки уходят, следуя за Светом. Року*). И вы, Рок, идите за Светом, вам также нужно переодеться... Нельзя вам идти в таком виде... Не нужно обращать на себя внимание, особенно теперь... (*Рок неохотно повинуется*). Право, и не знаю, как этого одеть... Ну, да Свет придумает, у него больше воображения, чем у меня... Займемся маленькой больной. Ей уже лучше. (*Помогает ей подняться*). Ну, вот так... Сядь на эту скамью... Не хочешь? Предпочитаешь стоять?.. Как хочешь, но в таком случае прислонись к колонне, потому что стены сейчас исчезнут... Теперь, когда мы одни, скажи же мне, наконец, Тиль-тиль, с глазу на глаз, кто эта девушка?..

Тиль тиль.

Но, мадам, я совсем не знаю...

Ф е я.

Надо сделать усилие... Она не может жить, если ты не вспомнишь, кто она... Не тебе лежит большая ответственность..

Тиль тиль.

Да я же не виноват... Я делаю все, что могу, и ничего не понимаю...

Ф е я.

Что ж, тем хуже!.. И я тоже ничего не понимаю... Ну, одевайся... Вот курточка, ее принес Свет... А теперь, один взмах палочки, и мы очутимся в бальной зале и увидим, как принарядились твои подружки...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Бальный зал во дворце Феи.

Она ударяет палочкой по стенам комнаты, и стены исчезают. Остаются лишь колонны и аркады, образуя портик перед громадной, залитой светом залой, точно высеченный в янтарной горе. Под сверкающими арками проходят шесть девушек в великолепных, нежных, тихо веющих одеждах, в золоченых сандалиях, волосы у них распущены, руки полны цветов. Они радостно зовут Тильтия. Он сначала ошеломлен, затем бросается к ним, вмешивается в их игры и танцы. Только дева в белых покрывах остается попрежнему в стороне, прислонясь к колонне.

Ф е я (*заметив Рок в просторном черном плаще и в широком испанском сомбреро*).

А, вот Рок... Свет его нарядил, как злодея из мелодрамы... (*Хлопая в ладоши*). Идемте, дети мои, пора в путь... Все это еще ничего не значит, вот теперь начинается настоящее...

З А Н А В Е С.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Перед занавесом, изображающим высокие скалы.

Входят Тильтиль и Свет.

ТИЛЬТИЛЬ *(тяжело дыша, опускаясь на обломок скалы)*.

Высоко же обитают Предки!.. Ты не устал?..

Свет.

Нет, я родился в горах...

ТИЛЬТИЛЬ *(наклоняясь над расщелиной в скале)*.

Не то, что Рок, который уже выбился из сил... Он с моими подружками еще в глубине последнего ущелья... На каждом шагу спотыкается и уже волочит ноги... Он будет

здесь только через несколько минут, и я очень рад, что мы с тобой пока наедине, потому что мне нужно об очень многом тебя спросить...

Свет.

Спрашивай обо всем, о чем хочешь, дитя мое, отвечу, как умею...

Тильтиль.

Как тебе нравятся мои подружки?.. Если бы тебе пришлось выбирать, кого бы ты выбрал?..

Свет.

Они все очень милые, но выбирать не мне; ты один можешь знать, кого из них ты больше всего любишь...

Тильтиль.

Да, это не так легко... В том-то и дело, что я их всех люблю... Очень я люблю маленькую Жаниль, дочь нищего; она такая тихонькая, такая свеженькая, такая умильная...

Свет.

Действительно, она очаровательна, и душа у нее такая простая, такая светлая и чистая...

Тильтиль.

Но я люблю и Розарелль, дочь мэра... Она в самом деле очень красивая, не гордая и гораздо образованнее, чем дру-

гие... И потом, ты подумай, что она для меня сделала, она все бросила, чтобы идти за мной..

Свет.

Действительно, она дала тебе доказательство истинной любви...

Тильтиль.

Но я люблю и Розелль, дочь трактирщика, она такая хорошенькая, здоровая, сильная, прямая, смелая, веселая, занятая и она гораздо нежнее, чувствительнее, чем кажется...

Свет.

Действительно, у нее много прекрасных качеств, мне самому она очень симпатична...

Тильтиль.

Но я люблю и Милетт, дочь дровосека... У нее такие красивые глаза и такие волосы!.. Сначала она кажется немного замкнутой в себе, немного скрытной; но когда узнаешь ее, тогда совсем другое дело, она, наоборот, большая шалунья и хохотушка... И потом, заметил ты, какие у нее губы и зубки?..

Свет.

Действительно, я заметил...

Т и л ь т и л ь.

Но я люблю и Беллину, дочь мясника... Прежде всего, она моя кузина, а кузин всегда любят... А потом, у нее красота мрачная, и мне немного страшно... А я это обожаю... Только она совсем не злая, ни чуточки... Заметил ты, как она улыбается?.. Не поймешь, что означает эта улыбка...

С в е т.

Действительно, у нее довольно странная улыбка...

Т и л ь т и л ь.

Но я люблю и Эметт, дочь мельника... Во первых—она тоже моя кузина... Она всегда опускает глаза, и у нее длинные изогнутые ресницы; когда на нее смотрят, она краснеет, а когда с ней заговорят, она плачет... Вид у нее довольно незначительный, но это только так кажется... Когда ее немножко узнаешь, она совсем другая... Она ласковая, забавница и говорит тихоньким голоском такие милые, нежные вещи, что сразу хочется ее расцеловать...

С в е т.

Я вижу, что, действительно, сделать выбор будет не легко...

Т и л ь т и л ь.

По твоему, которая лучше всех?

Свет.

Нет ни лучших, ни худших; все, в конечном счете, равны, и все очень хорошие, когда страдают или любят...

Тильтиль

Вот то-то и досадно, что, повидимому, можно любить только одну. Скажи, правда это или это только так говорят детям, чтобы они молчали и сидели спокойно?..

Свет.

Нет, это правда. Пока любишь нескольких, это только значит, что не нашел еще той, которую должен любить...

Тильтиль.

Но ведь ты же все знаешь, все видишь,—ты бы должен знать лучше моего и мог бы мне сказать, что же мне делать...

Свет.

Нет, дитя мое, так далеко мои лучи не проникают... Вот почему мы и идем просить совета у тех, которые знают; впрочем, они недалеко от нас, потому что они живут в тебе... Мы как будто совершаем большое путешествие, но это иллюзия; мы не выходим из тебя, и все наши похождения совершаются в тебе самом... Но я слышу, идут твои подружки... Где твоя зеленая шапочка?..

Тильтиль.

Вот, я снял ее, мне было очень уж жарко...

Свет.

Сейчас же надень ее, чтобы не случилось новых недоразумений, и поверни Сапфир...

Он исполняет, что сказал Свет; тотчас же со всех сторон из под земли и из скал выступают всякого рода чудовища, более или менее похожие на людей и животных, с лицами смешными, зверскими или отвратительными; они толкают Тильтиля, толпятся и пляшут вокруг него.

Тильтиль (*ошеломленный*).

Что это такое?.. Что это такое?..

Свет.

Ничего, ничего... Должно быть, ты повернул слева направо...

Тильтиль.

Да, я кажется, ошибся... Но что им от меня нужно? Они толкают меня, лезут ко мне на колени...

Свет.

Они не сделают тебе ничего дурного; это только твои обычные и более или менее тайные мысли; ты выпустил их на волю, и они на миг являют себя такими, какие они есть на самом деле...

Тильтиль.

Как!.. У меня вот такие скверные мысли?.. Никогда бы я не поверил...

С в е т.

Не огорчайся... Они—еще не из самых гадких, потому что ты еще невинен и очень юн... Если бы ты посмотрел, какие мысли у других людей!.. Впрочем, у тебя есть мысли и красивее, но они не так легко выходят наружу... Но вот идут девушки.. Поверни же справа налево, чтобы прогнать всю эту дрянь, они не должны ее видеть...

Он исполняет приказанное; чудища уходят в землю. Входят шесть девушек, предшествуемые Роком; за ними на некотором расстоянии следует белый призрак, держась в стороне. Девушки окружают Тильтиля, осыпают его ласками и говорят все сразу.

Д е в у ш к и.

Здравствуй, Тильтиль! Наконец, нашелся!.. Мы очень беспокоились!.. Мы не поспевали за тобой... Ты не устал?.. Можно тебя поцеловать?.. Это Рок задержал нас... Я бы побежала... Он не давал нам пройти вперед... Тебе не очень жарко?.. Смотри, не простудись... И меня поцелуй! И меня! И меня!..

Т и л ь т и л ь (*целует всех по очереди*).

Подружки мои!.. Какие вы все миленькие и как я счастлив!.. Вы из-за меня не шли слишком быстро?.. Простите меня, но я очень тороплюсь... Жаниль, крошка, твоим ногам не больно?.. А ты, моя Розарелль, ведь ты не привыкла лазать по скалам.. У Эметт холодные руки, а Розелль разгорячилась...

Свет.

Об этом вы потом поговорите... А теперь нужно немедленно идти к Предкам, они ждут нас и будут очень недовольны, если мы опоздаем ..

Рок *(который стал еще меньше и теперь не выше человека среднего роста, кажется очень утомленным и падает на обломок скалы).*

Дальше не пойду!..

Тильтиль.

Послушайте, вы стали еще меньше!

Рок.

Я?.. Ни на волос... Я всегда тот же, я...

Тильтиль.

Знаю, знаю... Вероятно, это так кажется от Света.

Рок.

У меня со Светом нет ничего общего... Во всяком случае, повелеваю я один и я приказываю остановиться...

Свет.

Прекрасно, нам незачем идти дальше. Мы пришли и, не двигаясь с места, окажемся в обители Предков...

Занавес, изображающий скалы, раздвигается и открывает седьмую картину.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Обитель Предков.

Обширная площадь, облитая Елисейским светом, придающим всему вид постоянного и легкого блаженства и непреходящей радости. Заднюю часть и боковые стороны площади образуют жилища разных эпох, то богатые, то бедные, но всегда приветливые и немного ирреальные. На первом плане направо находится вход в хижину дедов Тильтиля затем вышка более древней формы, фасад небольшой лавки XVIII в. и так в последовательном порядке, идя справа налево и проходя через задний план—мещанский дом XVII в., тюрьма, больница, трактир XVI в., особняк XV в., домишки XIII в., церковь XII в., галло-римская ферма с виллой и т. д. Прорезая глубину сцены посередине—улица в перспективе, теряющаяся вдаль, с самыми древними постройками по сторонам, вплоть до шалашей и пещер первобытного человечества.

На первом плане, под красивыми деревьями—лаврами, платанами и кипарисами—несколько каменных скамей.

Подходят Тильтиль, Свет, Рок и шесть девушек, попрежнему сопровождаемые белым призраком, который все так же держится поодаль. Едва сделали они несколько шагов, как дедушка и бабушка Тиль быстро выходят из их хижины и с радостными восклицаниями бросаются в объятия Тильтиля.

Бабушка Тиль.

Тильтиль! Тильтиль!.. Неужели это ты опять!.. Но на этот раз уже не неожиданно!.. Твоего прихода ждали, три дня назад возвестили о нем... Но все равно, такое счастье опять увидеться, что и не верится... А ты еще вырос и возмужал, мой маленький!.. Я бы не узнала тебя, такой ты красавчик!.. Боже, как приятно—вот так иногда поцеловаться!..

Дедушка Тиль.

Ты на этот раз не привел с собой Митиль?..

Бабушка Тиль.

Да нет же, ты, ведь, знаешь, что ее время не пришло... Ведь мы же знаем, зачем ты здесь... Не для того, чтобы повидаться с нами... Нечего краснеть... Ах, ты маленький негодник, шалунишка!.. Ты совершенно прав, надо браться за дело вовремя... Так вот это те молодые особы, из которых придется выбирать?..

Тильтиль.

Да, милая бабушка, кажется...

Дедушка Тиль (*разглядывая их с видом знатока*).

Эге!.. Честное слово, очень хорошенькие!.. У тебя вкус не плохой... Поздравляю!.. У тебя губа не дура... (*Указывая на Розелль*). Я на твоём месте выбрал бы вот эту; она самая хорошенькая и самая полненькая...

Бабушка Тиль.

Да замолчи ты, твоего мнения не спрашивают, ты отлично знаешь, что у тебя тут нет голоса... Мы еще слишком молоды; мы едва только остыли и не успели еще разузнать... Много нужно времени; узнаешь так много!.. Но другие, особенно самые старые, которые теперь — самые молодые, они все знают...

Тильтиль.

То-есть как это?.. В этой стране самые старые—самые молодые?..

Бабушка Тиль.

Ну да; оказывается, здесь, старея, молодеют... Я и сама начинаю замечать это...

Тильтиль.

Как странно... Да где же они?.. Я никого не вижу...

Дедушка Тиль.

Сейчас придут... Я даже удивляюсь, что их еще нет...

Тильтиль.

Много их?..

Бабушка Тиль.

Еще бы!.. Все предки от начала мира!.. Их набралось бы столько, что некуда было бы всех поместить... Но мы увидим только некоторых... Многие путешествуют в других мирах, особенно из самых древних, они всегда уходят... Но те, которые на месте, выберут от имени всех... Они все всегда согласны между собой и редко ошибаются, говорят... Да вот, один как раз выходит из своего дома... Видишь старичка, он запирает свою лавку...

В самом деле, видно, как из лавки выходит маленький, чистенький человек.

Т и л ь т и л ь.

Кто это?..

Б а б у ш к а Т и л ь.

Это — дедушка твоего дедушки; он был бакалейным торговцем в Версале при Людовике XV...

Т и л ь т и л ь.

Как он смешно одет...

Б а б у ш к а Т и л ь.

Он опять надел тот костюм, который когда-то носил у себя в лавке... Обыкновенно здесь так тихо, воздух такой теплый и легкий, что не надо одеваться, но ты не увидал бы нас, если бы на нас не было одежды; и потому мы в твою честь надели те платья, какие носили на земле... Ты увидишь, это довольно забавно; есть одежды всех эпох. Смотри, вот и другие выходят из своих жилищ...

Действительно, из мещанского дома выходит буржуа времен Людовика XIV, из тюрьмы XVI в. выходит заключенный еще с цепями и оковами на руках и ногах, но теперь они кажутся легкими и ничуть его не стесняют.

Этот последний привлекает внимание Тильтиля и он спрашивает:

Т и л ь т и л ь.

Кто это такой?.. Он был закован в цепи?..

Бабушка Тиль.

Да, это один из твоих предков, почти всю свою жизнь проведший в тюрьме...

Тильтиль.

Чем же тут гордиться... Лучше бы он оставался у себя...

Бабушка Тиль.

Он не сделал ничего дурного... Просто у него была привычка воровать хлеб или другие с'едобные вещи, когда он или его семья были голодны... Он много страдал; у нас он пользуется большим уважением...

Предки продолжают выходить из своих жилищ. На пороге особняка XV в. показывается человек важного вида и богато одетый.

Тильтиль (*указывая на него*).

А это кто?..

Дедушка Тиль.

Это — самый богатый... Повидимому, мы когда-то были очень богаты, но это скоро кончилось... Впрочем, здесь это не имеет никакого значения; повидимому, важно лишь то, что человек делал или думал... Вот, например, видишь ты нищих, которые выходят из церкви?..

Действительно, из церкви XII в. выходят четверо или пятеро нищих в жалких, но идеализованных феерической атмосферой, лохмотьях.

Тильтиль.

Да, правда, их не мало...

Дедушка Тиль.

Говорят, мы просили милостыню в течение нескольких поколений... Сын сменял отца у входа в церковь, все в том же углу... Говорят, это принесло нам большую пользу... Мы научились терпению, покорности, выносливости, воздержанию и приобрели способность не простужаться... Видишь ты самого старого, у которого вид особенно нищенский?..

Тильтиль.

Это у которого густая седая борода?..

Дедушка Тиль.

Вот именно... Ну так вот, это Великий Нищий... Его больше всех уважают у нас, во-первых за то, что у него железное здоровье, затем за то, что он, повидимому, много размышлял у себя в углу, у церковного входа... Говорят, это он больше всего развил наш мозг...

Тильтиль.

Почему же я совсем не вижу женщин?.. Где же они? Разве они не были женаты?..

Бабушка Тиль.

Были, были; но сегодняшнее дело нас не касается.

Мужчины выбирают женщин, а женщины мужчин... Вот когда придет Митиль, будет наша очередь..

Тильтиль.

Ах, вот еще трое...

Действительно, из госпиталя выходит человек болезненного вида, из трактира — человек с бутылкой и как будто слегка пьяный, наконец из тюрьмы — еще один, лохматый и свирепый, с окровавленным кинжалом в руке.

Дедушка Тиль (*удрученно*).

Не очень мне это нравится.. Как досадно, что и их предупредили...

Тильтиль.

Почему? Кто это такие?..

Дедушка Тиль.

Очень плохое трио; это больной, пьяница и убийца... Они причинили нам много зла...

Тильтиль.

Значит, был в роду и убийца?..

Дедушка Тиль.

Конечно, как в каждом роду.. К счастью, они все трое не имеют у нас большого влияния... Видишь, они маленького роста, хилые, чахнут из века в век и чувствуют себя хуже

остальных... Но пусть они не вмешиваются в твой выбор... Если Великий Крестьянин, Великий Нищий и Великий Предок будут здесь, все пойдет хорошо; те не посмеют слова сказать, а то они хотят навязать свои вкусы, и это будет плохо и для тебя, и для будущего всей семьи.

Из древней фермы выходит высокий крестьянин, одетый по средневековому; он заботливо запирает за собой дверь и идет вперед, строгая палку.

Д е д у ш к а Т и л ь.

Вот Великий Крестьянин... Отлично, отлично!..

Т и л ь т и л ь.

Этот длинный, худой?..

Д е д у ш к а Т и л ь.

Да, правда, он не толст; но он пользуется громадным влиянием... Это один из надежнейших устоев рода...

Из виллы выходит два-три галло-римлянина; затем в глубине улицы, среди других обитателей каменного века, показывается и идет вперед старик очень высокого роста, в звериной шкуре, опирающийся на тяжелую дубину.

Т и л ь т и л ь.

Так! Теперь дикари пошли...

Д е д у ш к а Т и л ь.

Это он!..

Тильтиль.

Кто?..

Дедушка Тиль.

Великий Предок!..

Тильтиль.

Кто?.. Вот эта обезьяна с толстой палкой?..

Дедушка Тиль.

Что ты, замолчи!.. Относись к нему с уважением!.. Он оказывает тебе великую милость; он не часто показывается.. Он—самый важный, самый великий в нашем племени, и его больше всех слушаются... Все идет хорошо; вероятно, он, Великий Крестьянин и Великий Нищий договорятся между собой и выберут тебе невесту...

Тильтиль (с негодованием).

Но я не хочу!.. Это совсем не их дело... Они в этом ничего не понимают!.. Подумаешь—мужик, дикарь и нищий!..

Дедушка Тиль.

Да замолчи ты!.. Говорю тебе, они представляют все, что есть лучшего в тебе и во всем роду... Если ты послушаешься их, если подчинишься их влиянию, ты спасешься и будешь счастлив... Внимание!.. Они приближаются...

Пока они так разговаривают, предки понемногу собрались в глубине площади. Они кланяются друг другу, вступают в беседу, жмут руки, приветствуют один другого. Все выражают Великому Крестьянину, Великому Нищему и, в особенности, Великому Предку сердечное уважение, толпятся вокруг них и почтительно им внимают, а больной, пьяница и убийца оставлены всеми одни и образуют жалкий арьергард. Группа направляется к скамьям на переднем плане, где находится Тильтиль со спутниками.

Великий Предок (*подходя*).

Здравствуй, Тильтиль!..

Тильтиль.

Здравствуйте... господин!..

Великий Предок.

Сначала поцелуй меня... Не бойся... Вид у меня дикий; но это только внешность, пришлось принять ее, чтобы стать видимым твоим глазам. Другой не было в моем распоряжении... В сущности, я очень чистый и от меня не пахнет дурно...

Тильтиль.

Я никогда и не говорил, будто от вас нехорошо пахнет...

Великий Предок.

Да, но гримаса у тебя была такая, точно ты опасаешься... (*Садясь на среднюю скамью*). Я сяду здесь, Великий Нищий по правую руку, Великий Крестьянин — по левую... От них

тоже не пахнет дурно... (*Великий Нищий и Великий Крестьянин исполняют то, что он им приказал; остальные предки продолжают стоять позади него*). А тебя я посажу к себе на колени... Я рад поддержать тебя в своих об'ятнях... Так давно, давно мы знаем друг друга!..

Тильтиль.

Но я не помню, чтобы когда-нибудь вас видел...

Великий Предок.

А между тем, мы всегда жили один в другом; потому что ты уже жил во мне, когда я был на земле, а теперь я живу в тебе, пока ты еще на той самой земле, которую мы как будто покинули... Ну, как тебе нравится наше обиталище?.. Доставь мне удовольствие принять тебя здесь у тебя...

Тильтиль.

Принять у меня?..

Великий Предок.

Разумеется... Ты здесь у себя... У тебя здесь очень славно... Все, что ты тут видишь, эта площадь, эта тюрьма, эта церковь, эти дома, мы, в них обитающие, все это только в тебе самом... Обыкновенно этого не видят, даже и не подозревают, но это правда...

Тильтиль.

Никогда бы не поверил, что во мне так много места, и что это такое громадное...

Великий Предок.

Еще громаднее, чем все то, что ты сейчас видишь... Но не это занимает нас сегодня; перейдем прямо к делу, к тому большому вопросу, который привел тебя сюда... Итак, сейчас мы выберем ту, которую ты должен любить...

Тильтиль.

Раз вы так добры, позвольте задать вам один вопрос...

Великий Предок.

Все, что тебе угодно...

Тильтиль.

Почему я не имею права, как другие люди, сам выбрать ту, которую люблю?..

Великий Предок.

Ты имеешь право, ведь ты и здесь только затем, чтобы сделать этот выбор...

Тильтиль.

Да нет, все они говорят мне, что выберете вы и остальные...

Великий Предок.

Да ведь остальные и я—это все ты же... Ты—это мы, мы—это ты... Это одно и то же...

Тильтиль.

Не для меня... Мне все время велят молчать... Говорят, что это не мое дело, что это меня не касается... Кажется, весь свет имеет право вмешиваться в это, только не я... Довольно, это, наконец, невыносимо!.. Да что же я-то такое, и что мне делать во всей этой истории?..

Великий Предок.

Ты делаешь как раз то, что делают все люди, когда уверены, что исполняют свое желание...

Тильтиль.

И наконец, какое вам до всего этого дело?.. Я понимаю еще, что дети, которые у меня, может быть, когда-нибудь будут, могли бы иметь в большей или меньшей степени право выбирать себе мать; но вы-то, здешние, вас-то как это может касаться?..

Великий Предок.

Да ведь это—одно и то же: те, которые раньше существовали, живут в себе совершенно так же, как те, которые еще будут жить... Нет различия, все соединено, и это все тот же род...

Тильтиль.

Хорошо, пускай так, я ровно ничего не понимаю... Но если я откажусь повиноваться, если буду любить за соб-

ственный страх, если возьму себе не ту, которую захотят мне навязать, что тогда со мной сделают, что со мной будет?..

Великий Предок.

Будет то, что выбор, который ты сделаешь за свой страх, без нашего одобрения, не будет выбором настоящим; то есть ты не будешь любить ту, которую считал любимой... Ты ошибешься, ты сам будешь несчастлив и нас всех сделаешь несчастными, и тех, которые были, и тех, которые будут...

Тильтиль.

А это случается?..

Великий Предок.

Очень часто, слишком часто; вот почему так много несчастных на земле...

Тильтиль.

Так что же нужно делать?.

Великий Предок.

Где твои подружки?.. Попрошу вас подойти поближе, мои красавицы... (*Внимательно разглядывая шесть девушек, подошедших и остановившихся перед ними*). Да, да, ты и сам за нас постарался, но тем труднее будет наша задача. Потому что как же выбирать, когда столько красавиц и ни одна не хуже других?..

Великий Нищий.

Они в самом деле очень красивые...

Великий Крестьянин.

И кажется очень сильные, очень послушные и работающие...

Великий Предок.

Узнаете вы среди них ту, которую мы ждем?..

Великий Нищий.

Нет еще...

Великий Предок.

И я тоже... Как странно... (*Обращаясь к Великому Крестьянину*). А вы?...

Великий Крестьянин.

Я не говорю нет; но не могу сказать и да...

Великий Предок.

Странно, очень странно... А между тем, мы знаем, что та которая составит наше счастье, пришла сюда, что она здесь, между нами; обыкновенно мы узнаем такую с первого же взгляда...

Великий Нищий.

Ничего не понимаю...

Предок-Богач *(стоящий за скамьей, показывая на Розарелль)*.

Не эта ли вот?.. Как тебя зовут, дитя мое?..

Розарелль.

Розарелль...

Предок-Богач.

Кто ты?..

Розарелль.

Дочь мэра...

Предок-Богач.

Ты богата?..

Розарелль.

Говорят, у моего отца есть состояние...

Предок-Богач.

Вот видите... Никакого сомнения...

Предок-Больной *(показывая на Эметт)*.

А я вам говорю, — вот эта...

Предок-Пьяница *(схватив Розелль)*.

А я выбираю эту...

Предок-Убийца (*перепрыгнув через скамью и схватив Беллину*).

А я беру вот эту!..

Великий Предок (*властно вставая*).

Молчите и отойдите!.. (*С повелительным жестом*). Удалитесь!.. Вы отлично знаете, что в моем присутствии вы не имеете права возвышать голос...

Четверо несогласных предков, призванные к порядку, удаляются, и вид у них довольно жалкий.

Другие Предки (*собравшиеся позади скамьи, рукоплеща*).

Браво!.. Браво!.. Правильно!.. Они получили по заслугам! Они слишком часто ошибались!.. Они наделали слишком много зла!.. Они кончили бы тем, что погубили бы род!..

Жаниль (*подходя к Великому Нищему и обнимая его колени*).

Может быть, это я... Я так его люблю!..

Милетт (*подходя к Великому Крестьянину и обнимая его колени*).

Если вы хотите узнать, как я его люблю, поглядите мне в глаза, вы увидите...

Эметт (*подходя к Великому Предку и обнимая его колени*).

Разве вы не видите, я люблю его дольше, чем другие?.. Люблю с тех пор, как увидела... Я никогда не смела сказать это, но я чувствую, я не буду жить, если вы выберете другую...

Великий Предок.

Бедные мои крошки, очень это грустно, но я не свое желание исполняю... Может быть, вы и поплачете час-другой; но если бы мы выбрали одну из вас, она плакала бы всю свою жизнь; потому что я не вижу среди вас той, которую мы ждем... Тильтиль!..

Тильтиль.

Что вам угодно?..

Великий Предок.

Ты привел сюда только тех, кого мы видим здесь?..

Тильтиль.

Да, больше никого...

Великий Нищий.

А что это за белая тень, которую я вижу вон там, у дерева?..

Тильтиль.

Право, не знаю.. Она все время следует за нами, всюду проскальзывает, никто ее не знает, и никак от нее не отделаться...

Великий Предок.

Приведи ее...

Тильтиль идет за белым призраком и приводит его за руку.

Великий Предок.

Кто ты?..

Тильтиль.

Бесполезно ее спрашивать... Она никогда ничего не отвечает, она не умеет говорить...

Великий Предок (*призраку*).

Подойди, дитя мое, и позволь приподнять покрывало над твоим лицом... (*Поднимает покрывало; лицо статуи совершенно белое, без определенных черт, без человеческого выражения*). У нее нет лица... (*Другим предкам, обступавшим их*). Узнаете вы ее?..

Великий Крестьянин

У нее нет лица...

Великий Нищий.

У нее нет черт... Точно недокопченная статуя...

Великий Предок.

Что же нам делать?.. Вероятно, это она... Но кто она?.. Она не мертвая, мы бы знали это... Слушай, Тильтиль, сделай усилие, потому что все зависит от тебя... Ты должен припомнить...

Тильтиль.

Я уже пробовал... Сколько я ни стараюсь, ничего не припоминаю...

Великий Предок.

Слушай, дело очень серьезное... Если нам не удастся ее узнать, вся твоя жизнь, все твое счастье на земле будет лишь призраком, подобно ей.. Есть одно лишь средство, единственная надежда—чтобы дети, которые должны от тебя родиться, открыли, кто она, и что она будет их матерью... Они видят гораздо дальше и гораздо глубже, чем мы... Но нельзя терять времени; потому что это ожидание и эта неопределенная жизнь очень для нее опасны... Поэтому поспешим, не тратя времени на сокрушения... Ну, маленький мой Тильтиль, ты был очень мил, очень терпелив, кроток и верен своему роду в этом испытании... Даю тебе прощальный поцелуй... И вам, крошки мои, тоже даю я свой прощальный поцелуй... Не печальтесь, иное ждет вас счастье... Не одно есть счастье на этой бедной земле, к которой относятся несправедливо... Вы заслужили все те счастья, что она может дать... Прощай, прощай, мой сын, прощайте, девочки

мои, мы опять увидимся, когда вы захотите; вы теперь знаете, где мы, и мы будем вас ждать...

Сцена темнеет и исчезает, занавес, изображающий скалы, сдвигается, Тильтиль, его спутницы, Свет и Рок оказываются одни среди камней.

Рок (*хватая Тильтиля за руку*).

Сюда, сюда... Благодаря мне, все обошлось хорошо... Не подавая виду, я все предусмотрел, все направил, и делалось лишь то, что я предначертал.

Все уходят.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Перед занавесом, изображающим Млечный Путь.

Входят Тильтиль и Свет.

ТИЛЬТИЛЬ.

Где мы?..

Свет.

У самых звезд и попрежнему в тебе самом... Это великий покров Млечного Пути... За ним простирается область, которой обычно не видно и где твои еще не рожденные дети ждут твоего прихода, чтобы указать тебе избранную ими мать...

ТИЛЬТИЛЬ.

Это что-то вроде «Страны Будущего» в Синей Птице...

Свет.

Пожалуй; однако, не совсем то же самое... Там было целое царство и дети всего мира; а здесь только одна область, и там нет других детей, кроме твоих...

Тильтиль.

У меня их много?..

Свет.

Не меньше, чем предков; т. е. несчетно много, та же бесконечность... Но так же, как и у предков, мы увидим лишь тех, которых дело касается ближе всего, а именно самых молодых и самых маленьких.

Тильтиль.

Почему — самых маленьких?..

Свет.

Потому что им предстоит скорее всего родиться. Чем ближе они к рождению, тем моложе они становятся и меньше, так что самые молодые, то есть те, которые родятся первыми, едва могут ходить и стоять...

Тильтиль.

А другие?.. Есть и большие?..

Свет.

Всякого роста. Но не знаю, увидим ли мы самых больших, то-есть тех, которые родятся через сотни и тысячи лет... Вряд ли успели их предупредить; они не находятся возле дверей, как самые маленькие, а бродят вдали, в ожидании своего часа...

Тильтиль.

Должно быть, им скучно ждать так долго...

Свет.

Нисколько; в бесконечности никогда не скучают.. И потом им нужно там узнать все то, что они позабудут, когда окажутся на земле...

Тильтиль.

Но тогда не стоит стараться узнавать..

Свет

Нет, стоит; всегда остается нечто, и в этом они найдут все, что составит подлинное счастье их жизни...

Тильтиль.

Что же, тем лучше для них... Я-то скоро узнаю, как мне быть... Надеюсь, что все будет кончено сегодня же. Ты же понимаешь, что я тороплюсь с этим.. Да куда же они, чорт возьми, запропастились с Роком?.. *(Смотря направо, вниз)*

под собой). Бедные крошки, они шлепают по снегу... Сюда еще выше и еще утомительнее идти, чем к Предкам...

Свет (*также смотря в ту сторону*).

Они уже недалеко... Но ты опять снял шапочку; право, это дурная привычка. Надень скорее, пока они не подошли, и на этот раз не ошибись, а то опять могут быть неприятные неожиданности...

Тильтиль надевает шапочку и поворачивает Сапфир; тотчас же из земли и со всех сторон появляются маленькие существа различного роста, одетые, как он сам, и сходные с ними почти во всем; они окружают его, жмутся к нему, толкают его, хотят увлечь одни—направо, другие—налево; он мечется среди них, не зная, кого слушать.

Тильтиль (*вне себя*).

Что это, что это такое?.. С этой штукой жить нельзя!..

Свет.

Пустяки... Должно быть, ты опять неверно повернул свой Сапфир... Ты что сделал?..

Тильтиль.

Почем я знаю?.. Я, наконец, совсем запутался!.. Это слишком сложно... Кажется, вместо того, чтобы повернуть, я надавил снизу вверх...

Свет.

Я так и думал... Просто ты выпустил на волю некоторые из твоих других «я»...

Тильтиль (*удивленный*).

Некоторые из моих других «я»?..

Свет.

Да, я хочу сказать, что ты в себе не один, и что...

Тильтиль (*еще более удивленный*).

Я в себе не один?..

Свет.

Конечно, нет, в тебе—большое количество личностей, более или менее схожих с тобой и ведущих непрестанную борьбу, чтобы восторжествовать...

Тильтиль.

Что же еще есть во мне?.. Да это зверинец какой-то, или Ноев ковчег?.. Этому конца нет...

Свет.

Правда, этому не было бы конца, если бы у нас было время этим заниматься... Но опусти свой Сапфир, и все опять придет в порядок...

Тильтиль исполняет сказанное, и все «двойники» исчезают.

Тильтиль.

Ух! наконец!.. Правда, они немного на меня похожи, но есть среди них такие безобразные... Особенно один был, толстый, черный, повыше меня, дававший мне подножки и чуть не сваливший меня...

Свет.

Конечно, было всего понемногу, как в каждом человеке..- Надо уметь выбирать лучших и устранять худших... А вот и твои подружки...

Первым входит Белый Призрак.

Тильтиль (*пораженный*).

Смотри-ка!.. Что это с нею?.. Сегодня у нее такой вид, будто она очень торопится, и ходит она, как ангел...

Входят четверо из девушек, затем Рок, которого поддерживают Эметт и Жаниль. Рок, ставший теперь на голову ниже Тильтиля и одетый все в тот же трагический костюм, кажется очень утомленным и падает на грудь снега.

Тильтиль (*подходя к нему несколько озабоченный*).

Ты нездоров?..

Судьба.

Я?.. Нисколько, я всегда тот же, я непоколебим... Но когда один несешь ответственность за все, когда нужно все

направлять, всем руководить и все предвидеть (*вызывающе глядя на Свет*), когда никто тебе не помогает, имеешь право немного отдохнуть... Я приказываю сделать остановку. Это решено бесповоротно, сегодня мы дальше не пойдем.

Свет.

Вот и чудесно; мы уже пришли, и если Рок разрешит, мы, не сделав ни шагу, очутимся среди ожидающих нас детей...

Занавес раздвигается и открывает девятую картину.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Обитель детей.

Громадные залы, высокие своды, бесконечные анфилады колоннад и аркад царства Будущего из «Синей Птицы»; но на этот раз, так как час — брачный, все белое, белизны мягкой, молочной, легкой, горячей, прозрачной и блаженной. Все ласково обито янтарным светом, все дрожит в лучащихся улыбках; горизонт как бы расстилается в туманности Млечного Пути, и воздух насыщен смутной звездной пылью... При открытии занавеса, Тильтиль, Свет, Рок и шесть девушек находятся на первом плане, направо, у подножия одной из алебастровых колонн, поддерживающих входной свод. Они делают несколько шагов в огромную пустынную залу, а Белый Призрак робко прячется за колонной.

Тильтиль (*разочарованно*).

Никого!..

Свет.

Я понимаю, в чем дело... Есть несколько входов; все вы очень устали, и потому я выбрал ближайшую дверь... Вероятно, они ждут нас у главного входа...

Тильтиль.

Как же дать им знать?..

Свет.

Это сделает атмосфера; тут все мгновенно становится известным, и каждое событие одновременно распространяется повсюду...

Тильтиль.

Здесь очень красиво; такие большие залы, такие высокие потолки, много воздуха, света...

Свет.

И все это—в тебе...

Тильтиль.

Как, и это—тоже во мне?..

Свет.

Конечно; нет возможности уйти от себя...

Тильтиль.

Что ж, тем лучше... Я с удовольствием принимаю вас здесь... Присядьте же, пока они придут...

С в е т.

Нам не долго придется ждать, кажется, нас уже увидели...

И действительно, между двумя колоннами мелькнула детская головка и тотчас же скрылась с криком: «Сюда, сюда! Они тут!» Немного спустя, из глубины залы выбегают семь или восемь детей, лет двенадцати, в коротких, тонких белых туниках, с голыми руками и ногами, и останавливаются перед посетителями. Тот, который постарше, протягивает Тиль-тилю руку со словами: «Здравствуй, дедушка».

Т и л ь т и л ь.

Дедушка?.. Кто это?.. Где он?..

Д и т я (смеясь).

Да это ты!..

Т и л ь т и л ь (ошеломленный).

Я?.. Так я уж и дедушка?..

Д и т я.

Ну, да, двадцать четыре раза... Мы — авангард, другие сейчас придут... (Остальным детям). Он, кажется, не верит!..

Д р у г о е д и т я.

Ты бы поцеловал нас...

Т и л ь т и л ь (целует всех).

Да с удовольствием... Но как же это так случилось, что я дедушка?

Дитя.

А очень просто: ты будешь нашим дедушкой, потому что мы будем твоими внуками и внучками..

Тильтиль.

Ну, разумеется, ясно... Значит, вы уже существуете?..

Дитя.

Конечно, раз ты существуешь... Скажи, это там бабушки, которых ты нам привел?..

Тильтиль.

Ну, да; ведь, повидимому, это вы должны выбрать ту, которая будет лучше всех...

Другое дитя (*хлопая в ладоши и таниуя от радости*).

Ах, какие они красивые!.. (*Бросаясь в объятия к Жанниль*). Я беру себе вот эту, потому что она такая добрая!..

Третье дитя (*бросаясь на шею к Эметт*).

А я беру эту, потому что она такая грустная...

Четвертое дитя (*обнимая Розелль*).

А я выбираю вот эту, потому что она всегда улыбается!..

Остальные дети (*выбирая каждое одну из девушек, которых они целуют и ласкают, смеясь и прыгая от радости*).

Я вот эту, потому что она так хорошо пахнет!.. Я вот эту!..

Первое дитя (*останавливая их*).

Одну минутку, одну минутку, пожалуйста... Это нас не касается, наша очередь еще придет... Вы же знаете, только самые маленькие имеют право выбирать ту, которая будет их матерью... А мы можем только помочь им своими советами и направлять их, если они ошибаются... Впрочем, этого с ними никогда не случалось... Они были довольно далеко отсюда, у главного входа, но они наверное скоро будут здесь...

Тильтиль.

Вот идут постарше!..

Действительно, приближается новая группа детей, на вид лет пятнадцати. Старший подходит к Тильтилю и пожимает ему руку.

Старший.

Здравствуйте, прапрадедущка!..

Тильтиль.

Кто это?.. Я?.. Теперь уже прапрадедущка?..

С т а р ш и й.

Несомненно... Я очень счастлив, что сейчас вижу вас, потому что по всем вероятностям мы не будем иметь удовольствия встретиться на земле... Итак, повидимому, у Предков дело не вышло?..

Т и л ь т и л ь.

То-есть, повидимому, они не были вполне уверены... Но откуда вы уже знаете, что там происходило?..

С т а р ш и й.

Мы, естественно, осведомлены обо всем, что в тебе происходит, потому что мы—в тебе... А впрочем, Предки и мы—это совсем рядом, мы соприкасаемся краями и интересы у нас общие...

П е р в о е д и т я.

Внимание! Вот маленькие!.. Я вижу, подходят пятеро... Не хватает только еще одного, самого маленького...

Из глубины зала идут пятеро маленьких детей, держась за руки.

Т и л ь т и л ь.

Кто эти пять крошек?.. Они очень миленькие...

П е р в о е д и т я.

Да это твои дети; два мальчика и три девочки...

Тильтиль.

Мои?.. У меня будет пятеро детей?..

Первое дитя.

Шестеро, у тебя будет шестеро; потому что самого маленького еще нет здесь... Право же, это не слишком много, чтобы снова заселить земной шар после того, что наделали...

Тильтиль.

Да чем же я стану кормить всю эту ораву?..

Пятеро малышей, продолжая держаться за руки, останавливаются против шестерых девушек и серьезно, без слов, смотрят на них. Понемногу залы наполнились толпою других детей разного роста, и они со вниманием обступают группу пятерых малышей. Наконец, так как молчание становится довольно неловким, Тильтиль, чтобы его нарушить, восклицает:

Ну, что же, малыши, разве не нужно поцеловать папу?..

Младший из малышей (*важным жестом прося его замолчать*).

Сначала маму... Где она?..

Тильтиль.

Да она должно быть тут; вот одна из них... Тебе нужно только выбрать...

Младший (*совещаюсь со своим соседом*).

Ты видишь ее?

Другой *(печально качая головой)*

Нет.

Трое остальных *(один за другим)*

И я не вижу... И я не вижу... И я..

Жаниль *(бросаясь вперед, хватая одного из малышей и целуя его).*

Да не может этого быть... Ты погляди на меня... Разве ж ты не видишь, что я буду так тебя любить?..

Малыш.

Да... Но это не ты...

Розелль *(беря на колени другого)*

А я?.. Ты не хочешь, чтобы я была твоей мамой?..

Малыш.

Нет, нет, ты не она...

Розарелль *(беря еще одного).*

А я?.. Ты не любишь меня?.. Вот ты увидишь, мы будем так счастливы!.. У нас будет красивый дом со множеством игрушек, и я буду давать тебе все, что ты захочешь...

Малыш *(тщетно стараясь удержать слезы).*

Нет, нет, я не хочу...

Беллина *(беря самого младшего)*.

Ты—самый умненький.. Ты не узнаешь меня?.. Любишь конфекты?..

Младший *(вырываясь, пока наконец его не отпускают, и давая волю слезам)*.

Я хочу уйти! Я хочу уйти!..

Тильтиль.

Ну, вот! Расплакался!.. И другой тоже!.. Да что же им нужно?.. На них не угодишь...

Младший утирает слезы, берет стоящего с ним рядом за руку, четверо других делают то же. Тогда младший повелительно говорит.

Младший.

Идемте!..

Они удаляются, полные достоинства и важности, и выходят налево.

Тильтиль *(в отчаянии)*.

Что такое с ними?.. Куда они пошли?..

Один из более взрослых.

Пошли к другому входу...

Другой.

Пошли за самым маленьким...

Третий.

Чем они меньше, тем больше знают...

Первый.

Да где же он, самый маленький?.. Вы не видали его?..

Другой.

Нет, никто не видел его с самого утра... Удивительное дело, ведь он всегда со своими маленькими сестрами...

Тильтиль (*смотря на толпу детей, наполняющую залы*).

Сколько народу!..

Один из более взрослых.

И это только часть семьи...

Дитя (*издали следившее за тем, как удалялись пятеро малышей*).

Они остановились у третьих дверей!..

Тильтиль.

Кто?..

Дитя.

Пятеро малышей...

Другое дитя.

Они словно ищут что-то...

Первое дитя.

Пойдем, посмотрим, что они делают... Они что-то знают...

Другие дети.

Да, да, все пойдемте... Эти-то знают!..

Большое движение в толпе детей. Все бросаются в ту же сторону и уходят налево. В одно мгновение зала пустеет, и Тильтиль остается в ней один со Светом, шестью девушками и Роком.

Тильтиль.

Пойдемте и мы за ними!..

Он уходит, за ним Свет, шесть девушек и Рок, замыкающий шествие. На сцене — никого, кроме Призрака под покровами, про которого все забыли и который остался у правой колонны, к которой прислонился. Сцена на мгновение пуста, затем из глубины залы приближается ребенок еще меньше, чем младший из пятерых малышей. Он идет решительно; дойдя до колонн на первом плане, он осматривается, как будто ищет чего-то направо и налево, потом вдруг уверенным шагом идет прямо к Призраку, останавливается перед ним и разглядывает его долго, важно, в безмолвии, положив палец в рот. Наконец, протягивает руку и хватается Призрак за край одежды.

М а л ы ш.

Это ты, скажи?..

Призрак (*заговоривший впервые, голосом нецверенным, идущим откуда-то издалека и с трудом вылетающим из горла*).

Да...

Малыш.

Я знал... Пойдем

Призрак

Куда ты хочешь?

Малыш.

Вот туда... Я скажу другим.

Призрак

Еще рано... Я не могу еще.

Малыш (*продолжая тянуть его за одежду к мраморной скамье между колоннами, на первом плане*).

Пойдем... (*Он усаживает его на скамью, ласкает и целует*). Пойдем... Это ты.. Я знал.. Целую тебя... Ты еще не умеешь целовать?.. (*Призрак делает знак, что нет*). Нет?.. Вот так... Я научу тебя. (*Он его целует и долго ласкает*). Тебе не холодно?..

Призрак (*уже начиная улыбаться*).

Нет...

Малыш (*продолжая его целовать*).

Видишь, тебе уже лучше...

И действительно, под ласками и поцелуями ребенка статуя понемногу оживает, глаза у нее открываются, губы трепещут, лицо приобретает краски, тело утрачивает свою устрашающую неподвижность, руки делаются мягкими и округляются вокруг шеи ребенка.

Малыш (*прижимаясь к ней*).

Тебе лучше, скажи?.. Ты больше не спишь?.. Нам обоим так хорошо.. Скажи, они еще ищут тебя?.. А я тебя нашел!.. Я знал, я знал...

Призрак.

И я тоже, я знала, я знала... Я ждала...

Малыш.

Как хорошо, правда?.. (*Еще сильнее прижимаясь к ней*).
Ах, как это весело!.. Тебе тоже весело, скажи?..

Призрак.

Да... да, я счастлива...

Малыш.

Почему ты не смеешься?..

Призрак.

Я слишком счастлива...

Малыш.

И я, и я!.. Ты не обращай внимания, я немножко поплачу, но это ничего...

Призрак (*начиная отвечать на его поцелуи и ласки*).

Мне тоже хочется плакать...

Малыш (*очарованный, восхищенный*).

Ты меня целуешь... Мама!.. Так это правда, правда, это—мама!.. Еще, еще!.. Теперь довольно; не могу больше!.. Они не поверят, не смогут поверить!..

Призрак.

Позеви их, пора...

Малыш.

Не прячь своего лица, а то они тебя не увидят... Они не поверят мне... (*Отстраняя покрывало*). Ах, мамочка, какая ты красивая, какая красивая!.. (*Ее волосы рассыпаются по плечам*). Ах, мама, твои волосы!.. Сколько их у тебя!.. Вот, так гораздо лучше, я лучше целую тебя... (*Прислушиваясь*). Постой, идут!.. Вот они!..

Действительно, пятеро малышей со всех ног бегут в залу.

Пятеро малышей.

Где она? Где она?.. Где?..

М а л ы ш *(становясь на скамью рядом с матерью и указывая на нее другим, прыгает от радости).*

Здесь! Здесь!.. Она здесь, она здесь!.. Это я нашел ее!.

Мать хочет встать, чтобы поцеловать их, но они не дают ей это сделать, бросаются к ней, осыпают ее ласками и поцелуями, заставляют опять сесть, карабкаются к ней на колени, возятся и копошатся на ней и говорят все сразу.

Пятеро малышей.

Это она!.. Да, да, это она!.. Это мамочка!.. Где она была?.. Ты узнаешь ее?.. Еще бы! Ну, конечно!.. И ты узнаешь?.. И я то же! И я!.. Ты не даешь нам места!.. Ты целуешь ее все время!.. Это несправедливо, теперь моя очередь!.. Она и моя мамочка!.. Мы так тебя искали!.. Мы ждали, ждали!.. Правда, она красива?.. Самая красивая!.. Другой такой нет!.. Скажи нам, скажи!.. Что?.. Я люблю тебя!.. Ты любишь нас?.. Поцелуй меня! Поцелуй меня!.. Как это хорошо: мамочка!.. Как хорошо целоваться!.. И подумать, что мы не знали!.. Все для нас, все для нас!.. Есть одно только счастье!.. Все для тебя!.. Ах, я так тебя люблю!.. Скажи, ты узнаешь меня?.. Я буду вторым... А потом я, третьим... А я — последний; прежде всего — меня поцелуй, мне придется ждать дольше всех!.. Она

смеется... Она тоже счастлива!.. Отвечай нам, отвечай!.. Твою руку, я хочу, чтобы ты обняла меня за шею!.. И меня! И меня!.. И смотри, не уходи!.. Не знаешь, что и делать... С ума сойти от счастья... Сил нет ждать!..

Пока они так говорят и целуются, другие дети, постарше, дети будущих поколений, понемногу возвращаются, и залы наполняются. Пришедшие первыми становятся позади группы, образуемой матерью и шестью малышами; скоро во все нарастающей толпе слышен шопот: «Они нашли ее!.. Нашли!.. Это она!.. Они счастливы!.. Она прекрасна!.. Она добрая!.. Можно нам ее поцеловать?.. Подождите, подождите, сначала они!.. Придет и наш черед!»...

Входит в залу Тильтиль, в сопровождении Света, шести девушек и Рока. Движение среди детей; они расступаются и пропускают его. Самый маленький из шестерых малышей первым видит их, идет навстречу Тильтилю, берет его за руку, ведет к матери и говорит с важностью.

С а м ы й м а л е н ь к и й .

Это она... Я нашел ее...

Мать поднимается и становится перед Тильтилем.

Д р у г о й м а л ы ш .

Узнаешь ты ее?..

Тильтиль колеблется, проводит рукою по лбу, тщетно роется в своей памяти.

Т и л ь т и л ь .

Нет еще... Она прекрасна!..

В т о р о й м а л ы ш .

Поцелуй ее, это она...

Третий малыш.

Нет другой.

Самый маленький.

Мы не хотим другой...

Тильтиль (*беря Мать за руку*).

Откуда ты?.. Кто ты?.. Где я видел тебя?.. Не могу припомнить...

Мать не отвечает. Краски на лице гаснут и снова оживают, глаза закрываются и открываются, жизнь то возвращается, то снова уходит в соответствии с воспоминанием, которое никак не может воскреснуть.

Самый маленький.

Смотри, ты делаешь ей больно!..

Остальные малыши выстраиваются перед ней, словно хотят защитить ее

Малыш.

Уходи!..

Второй малыш.

Уходи!.. Она не будет твоей, пока ты не узнаешь!..

Третий малыш.

И другой у тебя не будет!..

Четвертый малыш.

Уходи!.. Она останется с нами, пока ты не узнаешь!..

Пятый малыш.

Уходи!.. Мы будем тебя ждать, мы все будем там!..

Первый малыш.

Уходи, уходи!.. Ты ее мучаешь!..

Самый маленький (*обнимая мать*).

Пойдем, мамочка, пойдем с нами!.. Он еще не знает!..

Все окружают мать, обступают ее, влекут за собой, делая Тильтилю прощальные знаки: «Скоро увидимся!.. Скоро увидимся!.. Там! Там! Там!.. Скоро!» Мать оборачивается и пристально глядит на Тильтилю; затем зала темнеет, обесцвечивается, расплывается, тает и исчезает. Тильтиль, Свет, Рок и шесть девушек одни перед занавесом, изображающим Млечный Путь.

Тильтиль.

Вот тебе и на!.. Что же мне теперь делать?.. Разве же я виноват, что не могу припомнить?..

Свет.

Не бойся... Они знают, что говорят... Ты снова найдешь ее... Скорее вернемся... Я уверен, она ждет тебя там, где ты и не ожидаешь...

Тильтиль (*задумчиво*).

А она красивая!.. Я думаю, они правы... Я уверен, что это она...

Все уходят.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Перед занавесом, изображающим лесную
опушку.

Входят Тильтиль и Свет.

Свет.

Наконец-то мы пришли...

Тильтиль.

Куда?

Свет.

Да к твоему дому... Разве ты не узнаешь своего леса?..

Тильтиль.

Своего леса?.. (*Оглядываясь кругом*). В самом деле... Я
где-то уже видел эти буки...

Свет.

Весьма вероятно, потому что они растут вокруг дома,
где ты родился...

Тильтиль.

Во всяком случае, хорошо, что мы пришли. У меня больше нет сил...

Свет.

Да, путешествие было утомительное, но плодотворное...

Тильтиль.

Плодотворное, плодотворное?.. Не вижу, чем... Когда мы отправлялись, я любил шестерых женщин; возвращаясь, я люблю только одну, и как раз она не следует за мной... Кстати, где они, шестеро других и этот бедный Рок, у которого такой больной вид?..

Свет.

Вот они!..

Входят шесть девушек. Последняя, Жаниль, несет на руках Рок; он все еще в плаще и в сомбреро, но ростом не выше маленького ребенка и кажется очень утомленным.

Жаниль (*передавая Рок Милетт*).

Не поддержишь ли его минутку?.. Он не велик, но изрядно тяжел...

Милетт (*беря Рок у Жаниль*).

Пойди ко мне, Роченька, пойди ко мне, не плачь, не плачь...

Рок (*плачущим и сюсюкающим
голосом*).

Я?.. Я никогда не пьяню!.. Я всегда тот же... Я непоколебим, недвижим, неутомим, неумолим и непреклонен..

Милетт.

Да, да; конечно, Роченька, мой маленький, ты пайныка...
(*Рок засыпает у нее на руках*). Спит!..

Жаниль (*с материнской заботливостью кутая его в плащ*).

Он очень милый, спокойный, послушный, но должно быть, сильно устал.

Свет.

Бедный Рок; ему не везло! Но мы еще займемся им... А пока, дети мои, надо подумать о расставании и о последнем прощании.

Жаниль.

О последнем прощании?..

Свет.

Ну, да; не будем же мы странствовать всю свою жизнь... К тому же, вы все поблизости от ваших жилищ, потому что все вы живете в окрестностях этого леса. Наша цель до-

стигнута; мы знаем теперь то, что нам важно было узнать: человек имеет право лишь на одну единственную любовь; все другие — только горестные заблуждения, составляющие несчастье несчетного числа жизней. Мы узнали, что выбор этой единой любви зависит не от нас, но от тех, кто нам предшествует, и от тех, кто за нами следует. Вы чуть было не ошиблись; и, хотя в каждой разлуке заключена печаль, вам нужно радоваться, потому что узнать, что готов был совершить опасную и непоправимую ошибку, столь же полезно, как найти большую и прекрасную истину. К тому же, я должен от имени Феи сообщить вам радостную весть: та истинная любовь, которую вы искали вместе с нами, ждет каждую из вас у очага, у каждой в доме; или, по крайней мере, скоро будет ждать... Смотрите же, не упустите этой встречи... Час близится, скоро пропоет петух, просыпаются птицы; пусть прощание будет коротко, без сожалений, без досады и без слез.

Милетт (*передавая Рок Эметт*).

Подержи, пожалуйста, минутку, пока я поцелую Тильтиля... (*Целуя Тильтиля*). Прощай, мой маленький Тильтиль!.. Я должна уйти первая; папа встает рано, и если он увидит, что я не дома, это будет ужасно... Прощай, Тильтиль, нежно тебя целую. Когда опять увидимся, не сердись на меня... Я живу тут поблизости, и нам предстоит прожить всю жизнь в том же лесу...

Тильтиль (*нежно ее целует*).

Сердиться на тебя, моя Милетт? Да за что же?.. Я знаю, и ты знаешь, что это не твоя вина и не моя...

Милетт.

Прощай, прощай!.. Мне надо бежать...

Убегает.

Эметт (*передавая Рок Жаниль*).

Возьми на минутку... (*Целует Тильтиля*). Прощай, Тильтиль... Будем помнить друг друга... Может быть, я полюблю другого; но никогда не буду я любить его так, как, казалось мне, любила тебя...

Свет.

Ну, ну, покороче... Никогда мы не кончим, если будем так продолжать... Если петух прокричит раньше, чем вы вернетесь, ваши родители все узнают и устроят вам пренеприятные сцены... Просто братский поцелуй, — вот все, что я могу вам разрешить сегодня... Вы уходите недалеко, и еще не раз в жизни встретитесь и, лучше узнав друг друга, еще сильнее полюбите...

Розарелль и Беллина целуют Тильтиля и уходят. Розарелль шумно сморкается, вытирает слезы и бормочет: «Маленький мой Тильтиль!.. Он был такой милый!.. Мы еще увидимся, ведь правда? Увидимся?.. Для тебя будет все самое лучшее в гостинице!..»

Затем она быстро убегает. Остается только Жаниль с Роком на руках.

Свет.

Ну, Жаниль! Что ты там делаешь?..

Жаниль (*вся в слезах*)..

Я не могу, не могу уйти сразу, как другие...

Свет.

Но это необходимо, моя Жаниль; это не судьба, как говорят люди, но воля тех, которые все знают и никогда не умирают... Прощай, маленькая моя Жаниль, ты была очень тихонькая, очень ласковая и нежная, и одно время я думал -- это ты будешь избранницей... Не плачь, дитя мое, давай мне этот бедный Рок, я о нем позабочусь, и хорошенько поцелуйтесь...

Жаниль (*передавая Рок Свету и долго целуя Тильтиля*).

Прощай, Тильтиль!..

Тильтиль.

Прощай, Жаниль!..

Жаниль тихо удаляется.

Свет.

А теперь, когда мы одни, тоже поцелуемся... Скоро мы снова встретимся, чтобы отправиться в другое и долгое странствие...

Тильтиль.

В другое и долгое странствие?..

Свет.

Последнее, счастливейшее и прекраснейшее... Но мне еще не позволено говорить о нем... Прощай, Тильтиль!.. Помни, дитя мое, что ты не один в этом мире, и что все, что ты в нем видишь, не имеет ни начала, ни конца. Если ты сохранишь эту мысль в сердце своем, если она будет расти в тебе вместе с тобой самим, ты всегда, при всяких обстоятельствах, будешь знать, что нужно сказать, что нужно сделать, на что надеяться... А ты, Роченька, не плачь так... Мы, в конце концов, столкнемся...

Рок (*слезливо сюсюкая сквозь сон*).

Я?.. Я никогда не пьяцую!.. Я приказываю остановиться!. Впелед! впелед! впелед!..

Свет уходит налево, унося на руках Рок. Тильтиль следует за ним, посылая ему прощальные знаки, и занавес открывает одиннадцатую картину.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Пробуждение.

Та же декорация, что в первом действии. Тильтиль крепко спит у себя на кровати. Дневной свет весело проникает сквозь все щели в запертых ставнях. Синяя птица заливается в клетке. Стучат в дверь.

ТИЛЬТИЛЬ *(внезапно просыпаясь)*.

Кто там?..

МАТЬ ТИЛЬ *(за дверью)*.

Это я!.. Отвори скорее!.. Мы ждем гостей!..

ТИЛЬТИЛЬ.

Подожди, дай надеть штаны... *(Вставая и с изумлением замечая, что одет)*. Вот так штука, я спал одетый!.. Как это могло случиться?..

Отпирает дверь. Входит Мать Тиль, она взволнована, торопится, в руках вязанка.

МАТЬ ТИЛЬ.

Скорей, скорей... Помоги мне развести огонь и убрать в комнате... Пойди разбуди Митиль... Они сейчас будут здесь...

ТИЛЬТИЛЬ *(старательно помогает матери)*.

Кто это—они..?

М а т ь Т и л ь.

Ах, правда, ты ничего не знаешь... Папа Тиль встретил их вчера вечером, но ты уже спал... Открой же ставни, ничего не видно... (*Тильтиль исполняет сказанное, и дневной свет заливает всю комнату*). И позови Митиль, пусть поможет мне немного прибрать все это... Ну, и беспорядок же здесь, и пылища же!.. Я не желаю, чтобы они нашли мой дом в таком виде...

Входит Митиль.

Т и л ь т и л ь.

А, вот и Митиль... Но что же ты не скажешь мне...

М а т ь Т и л ь (*Митиль*).

Огонь разгорается... Приготовь кофе, а я пока все приберу... Это что такое?.. Опять под ушатом валяются капустные листы?..

М и т и л ь.

Я не виновата... Тильтиль обещал мне...

М а т ь Т и л ь.

Хорошо, нечего сказать!.. Счастье еще, что я не положила на вас... Подмети, Тильтиль, а я оботру кастрюли и посуду; она и не убрана...

Тильтиль.

Да кого же это мы ждем, Шаха Персидского или Японского Императора?..

Мать Тиль.

Получше того. Ни за что тебе не угадать... Помнишь ты нашу соседку?..

Тильтиль

Какую соседку?..

Мать Тиль.

Не так их у нас много... Ту, у которой был хорошенький розовый домик у дороги, с садиком, где было столько подсолнечников и живокостей?.

Тильтиль.

Помню, помню!.. У нее была маленькая девочка, и я еще отдал ей свою горлицу...

Мать Тиль.

Она самая...

Тильтиль.

Они давно-давно уехали...

Мать Тиль,

Самое большее года четыре или пять... Они переехали в город, к дяде девочки, к мяснику, он был вдовый и без-

детный... Он умер и оставил им свою лавку со всем, что в ней было... Они навсегда возвращаются в деревню, так они сказали отцу Тилу... Опять будут жить в своем хорошеньком доме, он принадлежал дяде маленькой Мажуа...

Тиль тиль.

Маленькой Мажуа?..

Мать Тиль.

Ну, да, той девочки, так ее зовут... Когда она была совсем маленькой, ее звали Жожотт; но ее настоящее имя Мажуа... Папа Тиль, встретив их вчера вечером, сказал мне, что просто нельзя поверить... Говорит, что она больше тебя ростом, и что никогда не видел он ничего прекраснее.. Говорит, что волосы у нее, совсем золотые волосы... Тут есть о чем подумать; вот я и хочу, чтобы в доме у меня было чисто, не как у шутов каких-нибудь... Мало ли что может быть... Мы тоже из хорошей семьи... Отец твоего деда был колбасник...

Тиль тиль.

Странно, его я не видел...

Мать Тиль.

Кого?..

Тиль тиль.

Отца моего деда...

Мать Тиль.

Ничего нет удивительного, вот уже пятьдесят семь лет
как он умер...

Тильтиль (*энергично подметает*
комнату).

Может быть, мне надеть свое праздничное платье?..

Мать Тиль.

Ни к чему, ты и так очень чистенький... Только посто-
лим белую скатерть... Да уж некогда, вот и они; я слышу
их шаги по дорожке.

Стучат в дверь, мать Тиль идет отпереть. Входят соседка и Мажуа-
ними отец Тиль с топором на плече; еще на пороге он кричит: «
они! вот они!..»

Соседка

Да, да, это мы, мы, госпожа Тиль... Здравствуйте, вся
благ и будьте все здоровы, как говорил покойный мой муж
когда еще был жив... Ну, как вижу, все у вас благополучно.
А это—детки?.. Это крошка Митиль, эта большая хороше-
лая девушка? А этот красавчик-юноша, похожий на насто-
ящего господина—это Тильтиль?..

Мать Тиль

Да, да, госпожа Берлэнго, так растут, так растут, про-
страх... Тильтиль не так сильно вырос, меньше чем сест-

но он покрепче... Во всей деревне нет сильнее его... Но кто похорошел, так это ваша барышня!.. Ни дать, ни взять Святая Дева!.. (Заметив, что Тильтиль стоит неподвижно, очарованный, с расширенными глазами). Да что с тобой, Тильтиль?.. Разве не узнаешь своей маленькой подружки?.. Будь же вежлив, поздоровайся с ней. Дай ей руку и подай стул...

Отец Тиль.

Прежде чем усесться, не хотите ли взглянуть на коров?..

Соседка.

Как, у вас теперь коровы?..

Отец Тиль.

Еще бы; и у нас тоже были дела не плохи... Две маленькие коровы и телка... Они лучше больших. И едят вдвое меньше... Одна, мошенница, не стесняется давать двадцать литров в день...

Соседка.

Значит, вы пристроили коровник?.. Раньше не было...

Отец Тиль.

Как же; сам соорудил, с Тильтилем... (Тянет ее налево, к двери). Идемте сюда; хорошо построено, стоит взглянуть...

Соседка.

Да уж наверное, наверное, очень хочется посмотреть...
Все выходят, кроме Тильтиля и Мажуа; они остаются одни, друг против друга. Едва все ушли, Тильтиль подходит к Мажуа и берет ее за руку.

Тильтиль.

Скажи, это была ты?..

Мажуа.

Конечно, это я...

Тильтиль.

И сразу узнал тебя...

Мажуа.

И я...

Тильтиль.

Ты еще прекраснее, чем там...

Мажуа.

И ты тоже...

Тильтиль.

Как странно, правда, я никак не мог вспомнить...

Мажуа.

А я не забывала...

Т и л ь т и л ь.

Ах, какая ты славная!.. Позволь тебя поцеловать...

М а ж у а.

Я очень рада...

Целуются застенчиво и нежно.

Т и л ь т и л ь.

А они даже и не подозревают...

М а ж у а.

Ты думаешь?..

Т и л ь т и л ь.

Уверен... Они не знают того, что знаем мы... Но маленькие знали...

М а ж у а.

Какие маленькие?..

Т и л ь т и л ь.

Тамошние маленькие!.. Они были очень милые... Они сразу узнали тебя... Тебе было не очень грустно?..

М а ж у а.

Отчего грустно?..

Т и л ь т и л ь.

Оттого, что я не мог припомнить...

М а ж у а.

Ты был не виноват...

Т и л ь т и л ь.

Я знаю, а все-таки очень было досадно... А ты была такая бледная, бледная и ничего не говорила... Когда ты меня полюбила?..

М а ж у а.

С тех пор, как увидела; когда ты подарил мне синюю птицу...

Т и л ь т и л ь.

И я тоже, и я; только я забыл... Но все равно, вот-то мы будем счастливы, раз все согласны и все этого хотят!..

М а ж у а.

Ты думаешь, они нарочно сделали?..

Т и л ь т и л ь.

Я уверен, никакого сомнения... Все хотят этого, а больше всех—малыши, все шестеро!.

М а ж у а.

Что?..

Т и л ь т и л ь.

Ведь у нас будет шестеро!.. Ведь правда?..

М а ж у а.

Шестеро? Чего?..

Т и л ь т и л ь.

Ах, Господи, да шестеро детей!..

М а ж у а.

О, Тильтиль!..

Т и л ь т и л ь.

Я знаю, это много, но как-нибудь устроимся... Чего там бояться... Но какой сон, а?..

М а ж у а.

Или...

Т и л ь т и л ь.

Я никогда не видал лучше, а ты?..

М а ж у а.

И я тоже...

Т и л ь т и л ь.

Я тебя видел, как сейчас, совсем такой же... Но здесь ты все-таки более живая и еще красивее... Ах, знаешь, я должен еще поцеловать тебя!..

Они долго целуются. В этот миг отец Тиль, идущий впереди других, открывает дверь.

Отец Тиль (*застав их в поцелуе*).

Так, так, так!.. Ловко!.. Времени не теряете!..

Соседка (*входя с матерью Тиль и Митиль*).

Что такое?..

Отец Тиль.

А что я вам говорил, когда мы смотрели кроликов?.. Они созданы друг для друга... Уж целуются, как пить дать...

Соседка.

Мажуа!.. И тебе не стыдно!..

Мажуа.

Но, мама...

Отец Тиль.

Ну, ну, что там, не беда... И мы то же делали, с мамашей Тиль, когда были молоды; разве не верно, мама Тиль?..

М а т ь Т и л ь.

Конечно, конечно... Оба они такие славные...

С о с е д к а.

Я не говорю нет, но Мажуа еще так молода, дайте мне подумать...

О т е ц Т и л ь.

Верно, верно... И он тоже еще очень молод, но во всей округе не найдете лучше... Сильный, здоровый, свежий, уж сейчас работает, как негр... Думайте, сколько угодно; а пока, по случаю праздника, пусть себе немного поцелуются при нас; от этого никому нет вреда, а им удовольствие... Ну-ка, детки, еще поцелуйтесь, разрешается...

Видя, что Тильтиль и Мажуа не трогаются с места, он насильно придвигает их друг к другу.

Ну, чего же вы?... Теперь уж и не желают...

Т и л ь т и л ь (*шопотом Мажуа, целую ее*).

Ведь лучше было, когда мы были одни, правда?..

М а ж у а (*так же*).

Конечно...

Т и л ь т и л ь.

Скажи, они были правы?..

М а ж у а.

Кто?..

Т и л ь т и л ь.

Да те...

М а ж у а.

Да...

Т и л ь т и л ь.

Никому не говори об этом; это наша тайна...

З А Н А В Е С

Перевел с французского

Н. Эфрос

